

ЕВГЕНИЙ ПОЛОЖИЙ

ИЛОВАЙСК

 FOLIO

Евгений Положий

**Иловайск. Рассказы о
настоящих людях (сборник)**

«Фолио»

2015

ББК 84(4УКР)6

Положий Е. В.

Иловайск. Рассказы о настоящих людях (сборник) /
Е. В. Положий — «Фолио», 2015

ISBN 978-966-03-7357-0

Евгений Положий (г. Сумы), 47 лет – известный журналист и писатель. В издательстве «Фолио» вышли его романы: «Потяг», «Мері та її аеропорт», «Дядечко на ім'я Бог», «Вежі мовчання», «Юрій Юрійович, улюбленець жінок», «Риб'ячі діти». «Иловайск» – книга о мужестве, невероятном героизме и человечности украинских солдат и офицеров, бойцов добровольческих батальонов, батальонов теробороны, всех тех, кто оказался в конце августа 2014 года в «Иловайском котле», ставшим самым крупным поражением украинской армии в ходе войны на востоке. Это честная книга о войне, которая, как известно, никого еще не сделала лучше, и все же среди крови, огня и железа люди остаются людьми. Автор услышал истории около сотни участников Иловайской трагедии, книга построена на реальных событиях. Тем не менее, просим считать все совпадения имен, фамилий и позывных случайными.

ББК 84(4УКР)6

ISBN 978-966-03-7357-0

© Положий Е. В., 2015

© Фолио, 2015

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	7
Когда прощаешься, Грэг	8
Завтрак на красной земле	16
Штурм. Между знанием и верой	21
Граница. Вторжение	26
Жизнь и смерть Сереги Кабана	36
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Евгений Положий
Иловайск. Рассказы
о настоящих людях (сборник)

© Е. В. Положий, 2015

* * *

Предисловие

Наша книга выходит в годовщину событий, которые произошли в августе-сентябре 2014 года во время войны на востоке Украины. Один год – слишком короткий срок, чтобы разобраться в причинах «Иловайского котла» – практически все люди, принимавшие ключевые решения, живы и занимают высокие должности в армии и правительстве, большая часть информации, в том числе и о количестве погибших, раненых и пропавших без вести, засекречена. Поэтому в романе нет – да и не может быть – прямого ответа на вопрос, кто виноват в этой трагедии. Искать такой ответ должны военная прокуратура, следственная комиссия Верховной Рады и исследователи-документалисты.

Однако 365 дней вполне достаточно для того, чтобы записать и рассказать истории солдат и офицеров, выживших в «Иловайском котле». Некоторые из этих историй читатель легко узнает – они звучали в медиа. Но еще больше страшных и героических историй не попали ни в медиа, ни в книгу – трагедию и боль тех дней невозможно уместить ни в одном романе.

Книга писалась на двух языках – украинском и русском, в зависимости от того, на историю какого бойца автор опирался, создавая ту или иную главу. Если респондент говорил на украинском языке – глава создавалась на украинском; если респондент говорил на русском – значит, на русском. Главы, написанные на русском, переводились автором на украинский язык и, соответственно, наоборот. Таким образом, получились две равноценные авторские версии романа: украинская и русская.

«Иловайск» – художественный текст, роман, построенный на реальных событиях, где среди героев, имеющих своих прямых прототипов, живут, совершают подвиги и умирают вымышленные персонажи. И если участники тех событий обнаружат в тексте некоторые несоответствия со своими воспоминаниями, мы просим учесть, что это – не документальная повесть, хотя автор и стремился быть максимально точным. В этом ему помогли бойцы добровольческих батальонов «Донбасс», «Днепр-1», «Херсон», «Миротворец», 39-го и 40-го («Кривбасс»), 42-го батальонов территориальной обороны, солдаты и офицеры 17-й танковой бригады, 51-й, 92-й, 93-й бригад ВСУ, бойцы Сумского передвижного пограничного отряда.

Без них эта книга никогда бы не состоялась, они и их подвиги – и есть эта книга. И, думаю, будет правильно, если мы посвятим ее бойцам, погибшим в «Иловайском котле».

Благодарности

– бойцам добровольческих батальонов «Донбасс», «Днепр-1», «Миротворец», «Херсон», 39-го и 40-го («Кривбасс»), 42-го батальонов территориальной обороны, солдатам и офицерам 17-й танковой бригады, 51-й, 92-й, 93-й бригад ВСУ, пограничникам Сумского передвижного пограничного отряда;

– родным и друзьям погибших и пропавших без вести бойцов, которые нашли в себе силы говорить;

– людям, которые помогали собирать информацию и искать участников событий: Надежде Вовк, Татьяне Голуб, Юрию Коваленко, Юлии Левковской, Владимиру Пошве, Татьяне Репиной, Алексею Сикорскому, Валентину Терлецкому, Александру Чижу, Юлии Чешке;

– моим коллегам-журналистам, чьи тексты и видео помогали понять суть происходящего: Юрию Бутусову, Егору Воробьеву, Марине Данилюк-Ермолаевой, Олегу Зайченко, Инне Золотухиной, Соне Кошкиной, Максиму Левину, Ростиславу Шапошникову, Артему Чапаю, многим другим;

– моей жене, Анне Положий, которая помогала с переводами, успевая воспитывать двух маленьких детей и родить за время работы над текстом третьего, который еще меньше.

Матір Божа поперед,
Синку Божий позаду,
Янголи по сторонам,
Що буде мені, то й буде вам.

Когда прощаетесь, объятия должны быть крепкими. Тогда вы словно остаетесь рядом с близким человеком. Он сохранит на своем теле оттиск вашего тела столько, сколько способен вас помнить, так, словно вы никуда и не уходили. Лучше всех это понимают любящие женщины, они всегда стремятся прижаться как можно крепче. Мамам крепкие объятия необязательны, отпечатки тел их детей навсегда запечатлены внутри каждой, они носят своих детей в себе всю жизнь. Отцам этого никогда не понять. То, чего так часто не хватает сыновьям – это крепких мужских объятий своих отцов на прощание.

Когда прощаешься, Грэг

Лица то появлялись, то исчезали, словно фотобумагу дрожащей неуверенной рукой опускали в проявитель и фотограф-любитель боялся уронить пинцет или выпустить из рук в жидкость ценный снимок. Грэг понимал, что так не бывает – изображение не может то появляться, то исчезать, но именно так и происходило. Сквозь туман в голове и гул двигателя грузовика он силился вспомнить, где мог видеть эту картинку: мама в выходном красивом платье, он – еще подросток лет одиннадцати-двенадцати, в шортах и светлой рубашке с короткими рукавами, и так редко улыбающийся отец. На месте фигуры отца на снимке зиял черный контур негатива. Грэг просто помнил, что отец в тот момент улыбался, но где и при каких обстоятельствах был сделан снимок, выпало из памяти. Очень хотелось пить, и он подумал, что если бы человек, который всю дорогу поправлял бинты, дал хотя бы несколько капель или просто смочил ему губы, то тогда он смог бы вспомнить. Он попытался облизать губы, но сухой шершавый язык не слушался и, кажется, увеличился вдвое. Чьи-то воняющие соляжкой и порошком пальцы приоткрыли ему рот и вложили под язык, словно таблетку от жажды, кусок пожеванной влажной марли. Грузовик, не глуша мотора, остановился – кажется, умер еще один из тяжелораненых бойцов, и Грэг сквозь пелену обезболивающего услышал недовольные голоса. Он мечтал, чтобы машина стояла как можно дольше – на ямах раненых в кузове подбрасывало так, что не умереть было сложно. Спасало то, что бойцы лежали практически друг на друге, и те, кто находился в сознании, крепко держались за борта и за своих бездвиженных товарищей. Грэг попытался приоткрыть глаза, чтобы посмотреть, что происходит, но даже на это у него не хватило сил. «Давай!» – прокричали прямо над головой, и машина, глотнув в кузов пыли, заняла сцеплением, дернулась и поехала, набирая скорость. Первым растворился негатив, прячущий улыбающегося отца, потом исчезло мамино платье и сама мама – Грэг хватался за ее изображение из последних сил, но мама ускользнула, исчезла из сознания, впрочем, как и дерзкий подросток. Грузовик подкинуло на яме, и по белому прямоугольнику фотобумаги прошла мелкая рябь, переходящая в волны, каждая из которых, ударяя по обеим полушариям, причиняла невыносимую головную боль. Боль; больше Грэг ничего не знал.

Отец умер в середине марта. Он долго болел и мучился, но оставался по-прежнему властным и энергичным стариком, стараясь не выпускать из-под контроля ни одной домашней мелочи. Разве что моль, вылетая из шкафа, теперь не спрашивала у него разрешения – он практически не вставал с кресла. Телевизор его раздражал, интернетом отец не пользовался, современные газеты считал убогим чтивом для идиотов, поэтому новости черпал по старой привычке – из маленького черного шипящего радиоприемника с длинной антенной. Только там, на радио, еще оставались работать настоящие профессионалы, считал он, но в Украине зимой и весной 2014 года и коротких эфирных новостей вполне хватало, чтобы потерять покой и сон даже здоровому человеку. Услышанное он обсуждал с супругой, а когда приходил Гриша, то и с сыном, позволяя себе выпить категорически запрещенную врачами рюмочку хорошего коньяка. Отец знал толк в жизни и в коньяке – воспринимал только «пять звезд», жил по гамбургско-армянскому счету, как любил шутить, но также хорошо понимал, что и того, и другого ему отпущено очень мало.

Последние месяцы отец любил поговорить. Раньше он предпочитал слову действие – колючая властная энергия хлестала из него, будто кнут погонщика, отщелкивая карьерные высоты, но сейчас общение осталось единственной функцией, в которой болезнь его не ограничивала физически. Собеседников подбирал тщательно: «Люди уходят, народ мельчает!» – часто подчеркивал тщету амбиций настоящего времени перед величием прошлого. Алкоголь, наркотики, праздность, лень, распад семьи – загибал сохшиеся костлявые пальцы отец,

клея язву постсоциалистического общества, склоняясь над умеренным коньяком и посматривая на Грэга поверх очков белесыми глазами. Сколько еще нужно перечислить апокалиптических примет нынешнего времени и как его можно сравнивать с достижениями индустриализации и народного хозяйства? Об альтернативной энергии, айфонах и электромобилях конечно же отец не хотел и слышать – такие вещи производили далеко за океаном, а он толковал о территории, на которой они жили. Но дело даже не в территории – отец категорически не верил в нынешних людей, в их способность создавать проекты, организовываться в группы, конструктивно и последовательно проводить изменения. Ему нравилось задавать сильные, настоящие, в полный рост, глобальные вопросы и наблюдать, как сын ищет убедительные аргументы в ответ. С годами в дискуссии ценишь не победу, а процесс.

Грэг категорически отказывался принимать за аксиому отрицание отцом перспектив своего поколения и, как следствие, государства. Он смотрел на мир и цели своего существования совсем иными глазами: жил для себя и своей семьи, а не для страны, давно и успешно занимался бизнесом – держал фирму по установке систем безопасности. Все материальные трудности, на которые Грэг добровольно обрек себя, женившись и съехав от родителей на съемную квартиру, остались позади. Родители конечно же хотели, чтобы все случилось наоборот – «первым делом, первым делом самолеты...», но Грэг такие решения не обсуждал. Теперь, через десять лет, они с женой твердо стояли на ногах, жили в большой трехкомнатной квартире в новом доме с отличным видом на Днепр, дочка ходила в хорошую школу, и ничто, казалось, не могло омрачить их будущего. С отцом отношения складывались по-разному, наверное, как и у всех отцов и сыновей, но последние два-три года у тяжело болеющего старика появилось много свободного времени, и их разговоры стали более доверительными. Вот, оказалось, где зарыт секрет хороших отношений между людьми – под дубом дефицита времени в замкнутом сундуке, где хранятся слова, обращенные друг к другу. Однако теперь все перевернулось, и уже Грэг постоянно спешил, говорил по телефону, решал свои деловые вопросы, а отец терпеливо ждал. Как когда-то он, маленький мальчик, много лет тому назад, ждал внимания отца, с нетерпением прислушивался к шагам на лестнице вечнозеленого подъезда и звуку открывающегося замка. Но сейчас, за несколько месяцев, а может быть, и недель до смерти отца они стали наконец настоящими друзьями. «Ты пойми ключевой момент, сынок: вот мы с тобой сейчас спорим до пены у рта, и ты правильно говоришь, что я – это прошлое, – говорил отец. – Но проблема ведь в ином: это спор не между прошлым, как ты считаешь, и будущим, нет. Проблема в том, что спор между тобой и мной – это спор между настоящим и настоящим. Настоящим, Гриша, а не будущим! Понимаешь этот тонкий момент? Вы не делаете для будущего ничего, а, значит, рано или поздно за это придется заплатить». Мать и жена во время бурных мужских дебатов пили кофе и обсуждали прически и платья, но Грэг знал, что они – на его стороне. Отец говорил, что будущее произрастает из прошлого и покоится на союзе с Россией, и там наше счастье, а Грэг считал, что прошлое пусть себе там и покоится с миром под звон патриархальных колоколов, а двигаться нужно в Европу. Он изъездил старушку от Дублина до Бухареста, помнил нищую, брошенную Польшу 90-х, видел, как выросла экономически эта страна сейчас, и хотел, чтобы в Украине люди жили хотя бы так же. Отец, естественно, современной Польши не видел. Он ратовал за то, что помнил, за ту страну, где ему и его семье жилось комфортно, за то время, в котором он чувствовал себя хорошо. Он утверждал, что Россия никогда не сделает ничего плохого украинцам и за нее следует держаться крепче, двумя руками: там газ, там нефть, там наши братья. «Нам нечего бояться, сынок, – говорил он. – Никто не посмеет столкнуть лбами два братских народа!» И этот спор до времени «Х» для обоих диспутантов не имел правильного ответа ни для кого.

На Майдан Грэг не ходил. Сидел на диване, топал ногами, писал гневные реплики в Фейсбуке против Януковича, перезванивался с друзьями и родителями, но там, посреди зимы, при-

танцовывающим на маленькой площади, в палатках, себя не видел. В разгар противостояния позвонил брат жены из Владивостока и встревоженным голосом предложил помощь:

– Если надо, Гриша, приезжайте с Маринкой, поживите у нас, пока в Хохляндии всех бандеровцев не перевешают!

– Сейчас, Виталик, подожди, не клади трубку! Я окна фанерой прикрою, – разозлился Грэг. – Мы же с Маринкой, как ты правильно сказал, на русском языке говорим, так нам окна каждое утро фашисты бьют!

– И это в Днепропетровске! – удивился, не оценивший иронии, шурин. – Что же тогда в Киеве творится?

Марина с родным братом поссорилась на политической почве тут же, не отходя от телефона.

А через несколько дней на улице Институтской в центре Киева расстреляли Небесную сотню, и Янукович сбежал в Россию. Майдан победил. Но радости от победы не ощущалось. Плыли, поддерживаемые тысячами рук, по людскому морю на киевском Майдане гробы с мальчишками, застреленными снайперами, растекалась по Украине жалобная песня «Пливе кача», города и села многотысячными панихидами прощались со своими героями. Горе и горечь разлились по стране.

Когда Россия отжала Крым, Грэг заметался по квартире, не находя себе места. Маринка пыталась его успокоить, сводить в кино или отправить с дочерью на ролледром, но он никак не успокаивался: звонил друзьям, шарился по интернету, смотрел новости по телевизору.

– Ты что-то задумал? – тревожно спрашивала жена. – Признавайся.

Грэг не признавался.

– Папа, – позвонил он вечером воскресенья в день крымского референдума отцу. – Тебе не кажется, что пора идти Родину защищать? – Грэг не спрашивал разрешения, он искал совета.

– Нет, – ответил горячо отец. – Там же все договорено! Посмотри, за Крым никто не воюет, – и умер на следующий день. Но между ответом сыну и смертью старик успел сменить веру. Он отрекся от прошлого, разорвал его и выбросил в мусорное ведро вместе с потрепанным и никому не нужным, но тщательно хранящимся в столе билетом члена КПСС.

Матери Грэг пообещал, что не уйдет добровольцем в армию в ближайшие сорок дней – ради памяти об отце. Но он нашел, чем заняться: в городе организовывались патрули, мужчины стояли на блокпостах, дежурили в штабе формирующегося батальона «Днепр-1» – на востоке страны, на Донбассе уже всюду бурлил сепаратизм. В городах и поселках Донецкой и Луганской областей над административными зданиями чуть ли не каждый день поднимались российские триколоры и флаги самопровозглашенных республик «дэнээр» и «элэнэр», в Славянске сидел Игорь Стрелков и вещал о неминуемой победе «русской весны», звучали призывы о создании «Новороссии». Под шумок начали грабить магазины, отбирать автомобили, похищать людей, которых потом находили мертвыми со следами пыток. Дело принимало совсем паскудный оборот.

Свое заявление добровольца Грэг отнес в военкомат в начале мая и месяц ждал, когда его вызовут повесткой. Периодически он звонил туда, и всякий раз разговор не складывался, у военкомов всегда находились причины не выдать ему военный билет. Свой первый, тот самый, который дают в шестнадцать лет, Грэг давно потерял – все проблемы с прохождением срочной службы в украинской армии давным-давно решились путем стандартной взятки с последующей записью «К прохождению военной службы не годен». И вот, надо же такому случиться, дивный парадокс – теперь он сам осаждал военкомат с требованием поставить себя на воинский учет. В военкомате на таких, как Грэг, смотрели косо, обвиняя в желании заработать денег в добровольческих батальонах и нежелании служить в рядах регулярной армии. Тут военкомов можно понять, их план мобилизации рушился на глазах. Грэг тоже злился. Но вся его злость на армейских бюрократов мгновенно перерастала в желание быстрее попасть

в батальон, когда он видел уставшие глаза солдат на блокпостах, видел людей со сломанной психикой, которые возвращались из АТО, – равнодушных ко всему вояк в пыльной форме, которые приезжали под штаб в кузовах грузовиков вместе с «двухсотыми», запечатанными в черные целлофановые мешки.

– Я уйду на войну, – наконец в середине лета сказал он матери.

Жена уже давно смирилась с грядущим отъездом. Она считала, что война – это такое решение, которое мужчина принимает сам.

– Сынок, – сказала мама, – всякая работа – опасна, на всякой работе могут убить. Эта работа просто немного опаснее, чем все твои предыдущие. Я всегда говорила отцу, что за независимость Украине еще придется повоевать. Не ему, так его детям. Он до самого последнего дня не верил. Ну, вот... Просто так ничего не дается людям.

Так что уходил Грэг легко. В штаб батальона, где бойцы с самого утра до глубокого вечера ждали отправки в зону АТО, приехали попрощаться двоюродные сестры, отправляющиеся через неделю работать на год в Германию – белокурые близняшки подарили классный немецкий нож; сосед порадовал новым бронечехлом, куда Грэг тут же перекинул свои бронеплиты, а под вечер приехала жена и привезла только что пришедшие под заказ американские берцы, такие, как он и хотел – водостойкие, с пластиковой подошвой, их можно не снимать пять дней, и ноги будут в порядке.

Теперь он был готов к войне на сто процентов. По крайней мере, он тогда так думал.

В шеренге на плацу на утренней поверке стояли практически все, с кем Грэг повышал свою воинскую квалификацию в учебном центре последние две недели. И если для него, много лет занимавшегося страйкболом, пробежать десять километров по лесу – привычное дело, то для многих добровольцев физические нагрузки стали серьезным испытанием. Но никуда не уехал и стоял в строю Бодя из Бердичева, сорокачетырехлетний инженер с большими коленями; стоял в строю и Слава Снежок – потому что из Снежного, – тридцатилетний учитель русского языка и литературы, оставивший дома под сепаратистами жену и двоих детей; стоял здесь и бывший вэвэшник из Днепропетровска, и бывший охранник из Пятихаток, стоял Виталик из Желтых Вод, тренер по боевому гопаку; много разных и интересных людей стояло в тот день в шеренгах бойцов «Днепра-1», «Самообороны» и «Правого сектора». Автомат, четыре магазина, разгрузка, каска – аптечку кто смог, тот купил сам – вот и все снаряжение бойца, не очень-то и много как для трехдневной командировки в зону боевых действий.

Ехали долго, зато весело, с песнями. В Славянске водитель автобуса, обернувшись, вдруг грустно спросил:

– Мужики, среди вас есть водители? – кто-то закивал в зеркало заднего вида головой. – Если меня убьют, сядете за руль.

– «А не спеши ты нас хоронить, – запели, дурачась, в салоне, – а у нас еще здесь дела...» – Одна из любимых песен екатеринбургского «Чайфа» почему-то вызвала у Грэга легкую досаду. Подпевать не хотелось.

В Старобешево прибыли около двух ночи и сразу упали спать. В полпятого начали работать «грады», и Грэг спросонья только через несколько секунд после начала обстрела понял, что куда-то бежит. Куда, он не знал, но бежал он очень быстро, как молодой таракан. Такими же молодыми тараканами неслись прятаться за толстые стены и все остальные его товарищи по учебке. Это было по-настоящему страшно, нестерпимо захотелось домой: в тишину, под одеяло, под бок к спящей жене, пот бежал по спине ручьем и затекал в штаны. Как выразился Слава: «...Мы какали вот такими кирпичами!» Залпы «градов» ушли, как выяснилось позже, далеко стороной. Вернувшись на свое место, Грэг обнаружил, что практически все бойцы, ранее уже побывавшие в переделках, мирно спят, и удивился их выдержке.

«Какая выдержка? – объяснил ему утром Макс, когда они ждали команды на штурм под Кутейниково. – Просто, когда ты под обстрелом не первый раз, то сам научишься определять – и откуда стреляет, и куда летит. Так что никакой храбрости, обычный расчет».

– Внимание! – от разговоров отвлекла команда. – Сейчас идем в разведку боем!

– Блин! – раздосадовался Макс. – А умнее ничего они не придумали? – Он, надо полагать, хорошо знал, что такое разведка боем: ты идешь в наступление, а по тебе ведет огонь противник, огневые точки которого должна уничтожить по ходу разведки боем ваша артиллерия. Вопрос только в том, кто кого раньше уничтожит: противник – разведчиков или арта – противника.

Поступил приказ вытащить из мобильных телефонов батареи и ни к чему не прикасаться на дорогах. «Видишь что-то подозрительное – просто стреляй туда, – посоветовал Макс. – Всегда верное средство, поверь мне на слово!» Вперед пошли бээмпэ, за ними – стрелки, за которыми ехали белые бронированные минибусы с зелеными надписями «Приватбанк», за минибусами тянули «рапиры». «Сепары думают, – шутили бойцы, – что это в «приватовских» бусиках нам деньги везут от Бени. За каждого сепара – по десять тысяч баксов!»

В этих местах совсем недавно шли бои: из асфальта торчали хвостики мин, на обочинах валялись останки тел, от которых шел ужасный трупный запах. В полях, похожие на аппараты Елизарова, виднелись остовы кассетных боеприпасов, неразорвавшиеся снаряды «ураганов» и «смерчей». Когда проходили мимо минометной батареи, минометчики решили устроить врага и дали залп, на который необстрелянная часть батальона отреагировала, как на команду «ложись!». Осознав, что они напрасно падали мордой в пыль, новички поднимались, поправляя автоматы, смущенно улыбались и отряхивали камуфляжи. Оставшиеся на ногах бойцы громко смеялись удачной шутке, особенно сами минометчики, и подбадривали товарищей: мол, ничего, пацаны, привыкнете. Около моста Грэг увидел изрешеченную и прошитую насквозь пулями и осколками «газель», уткнувшуюся белым капотом в бетонные сваи. Сквозь «снежинки» от пуль на стеклах он насчитал внутри не менее девяти трупов – непонятно, то ли это сепаратисты, то ли мирные люди попали под обстрел. Здесь же, под мостом, стояло искореженное серебристое «шевроле-авео» – внутри три человека сидели, уткнувши головы в друг в друга, словно пьяные; водитель, осыпанный мелкими брызгами лобового стекла, лежал головой на руле. Грэгу стало не по себе. Он никогда не представлял себе войну с этой стороны, и ему не хотелось думать о том, что под пулями или бомбами могут гибнуть невинные мирные люди. Он четко знал, как и другие его товарищи, зачем и почему он здесь и что он обязан делать, чтобы война не пришла в его родной город и не убила его близких – он должен прийти сюда с оружием и заставить тех, кто хочет его стране и семье зла, капитулировать. Погибнут враги, или убегут, или сдадутся в плен, его мало интересовало, он пришел сюда защитить свой дом. Но такие эпизоды, как серебристый «авео» и белая «газель», полные мертвецов, не вписывались в воображаемую картину. «Там, внутри, – успокаивал он себя, – могли быть и сепаратисты, кто знает?» Кто знает вообще, как и по каким критериям проводить эту черту: между сепаратистами с оружием в руках и теми, кто их морально поддерживает? Между теми, кто их поддерживает морально, и теми, кому все равно? Между теми, кому все равно, и теми, кто тайно верит и надеется, что Украина вернется на Донбасс? Как отделить виновных от невиноватых? Грэг не знал точного ответа на этот вопрос.

– Ничего, – подбадривал его Макс, прошедший балканскую войну, – попривыкнешь. Война – это грязь, еще не такое увидишь. Просто выбрось из головы все, что ты себе представлял дома. Так легче. Невиноватых здесь нет.

Свой первый штурм Грэг запомнил на всю жизнь. По ощущениям это, как первый секс, только по тебе стреляют и могут убить. Впереди, прямо на дороге, перед ними стоял хорошо укрепленный сепарский блокпост. Сначала по нему отработал танк, раз пять-шесть бесполезно шархнув по массе бетонных плит. Идти в лобовую атаку на такой укрепрайон – самоубий-

ство, поэтому поступила команда отходить, и Грэг поймал себя на мысли, что очень устал за эти сутки, так устал, что готов прямо здесь упасть и заснуть, так подкашивались ноги. Таковую надежду – на окончание рабочего дня – имели многие бойцы, но им приказали не мешкать и обойти поле поближе к посадке, где их уже ждала пара танков. Грэг удобно расположился на горячей броне, укрывшись за башней, и когда танк поехал, в сумасшедшем реве мотора и выхлопном дыме, намертво отсекающими от реальности, ему показалось, что он очень хорошо защищен – и тут же над головой прошло несколько трассирующих очередей, и пули зацокотели по броне совсем рядом. Грэг, не помня как, скатился, нет, слетел с танка на твердую, как камень, землю, одним прыжком преодолел расстояние до поля подсолнухов, краем глаза пытаясь не потерять из виду своих товарищей: он четко зафиксировал Макса и командира роты Чипса, которые сидели на корточках, сжимая побелевшими руками автоматы. Бойцы затаились среди высоких подсолнухов и только и слушали, как свистят пули, срезая головки с недозревшими белыми семечками, и из рации несутся звуки боя. «Мы похожи на эти семечки», – мелькнуло в голове у Грэга неудачное сравнение, но он прогнал эту мысль и постарался сосредоточиться на происходящем вокруг. Немного придя в себя после первого в жизни обстрела, бойцы начали осматриваться, пытаясь оценить обстановку: вокруг все гремело и свистело, кто-то наступал и бежал вперед, кто-то падал и лежал, а они сидели в подсолнухах и чего-то ждали.

– Эй, Чипс, – грубо обратился Макс к командиру. – Давай, командуй! Что делать нам?

– Я не могу командовать, – вдруг просипел не своим голосом Чипс. – У меня горло болит.

Грэг выматерился. Чипса, капитана-мента в отставке, их командира, а в учебке – одного из инструкторов, он невзлюбил за конфликтность и интриги с первого же дня. Да он просто усрался!

– Вы что, охренели тут совсем? – На бойцов дико смотрели круглыми глазами неизвестно откуда появившиеся два бойца из смежного батальона. – Сидите тут уже сорок минут! А ну давайте быстрее, пушки разворачивать некому!

Грэг, не раздумывая, сорвался с места. Разворачивать пушки – это все-таки хоть что-то предпринимать, хоть как-то воевать, а не сидеть позорно в кустах! Пока они бежали по рыхлому полю, петляя от мин, прикрываемые танком с заклинившей башней, Грэг подумал, что если бы они имели нормальную карту местности, разведку и качественную связь, то легко могли бы обойти сепарский блокпост с тылу и прихлопнуть их там, как в мышеловке. Мины вырывали и подбрасывали высоко вверх клочки мягкой земли, ложились, ухая, совсем рядом – ухх-пухх-пухх! – некоторые даже не разрывались. «Если бы мины падали так же близко на дороге, меня бы убило самой первой из них!» – лихорадочно оценивал ситуацию Грэг и удивлялся своей везучести. Пробегая мимо танка с отвалившейся гусеницей, Грэг увидел первого «двухсотого» из своего батальона – человек лежал под «броней», у него отсутствовала половина лица. Кажется, это был Снежок.

В первый день штурма в батальоне погибли трое. Они погибли не потому, что плохо подготовились к бою или не выполнили приказа, просто пули и осколки попали именно в них. Такая не избирательность смерти, пожалуй, больше всего поразила Грэга в его первый день войны. Раньше он думал, что погибает тот, кто что-то делает неправильно, а на практике выходило, что в прямом бою погибает тот, кто оказался в ненужном месте в ненужное время. Тот, кому не повезло. Вот бежит рядом человек – раз, и нет его, оторвало голову. А могло оторвать и тебе, лети осколок немного правее, и не важно, какая у тебя каска или бронезилет, как метко ты стреляешь и как быстро преодолеваешь полосу препятствий. Вот и вся логика смерти на войне.

Перед сном он поговорил по очереди с мамой и женой по телефону и пожалел, что не может поделиться своими наблюдениями с отцом. Грэг думал о последнем дне, который тот прожил, о мыслях, которые будоражили его седую голову. Наверняка отец испытал насто-

ящий шок после аннексии Крыма, не мог поверить в случившееся, в войну между Россией и Украиной, поэтому и сердце его не выдержало, может быть, потому что не хотел видеть этой войны и знать, чем она закончится. Это была война между его молодостью, его жизнью – и жизнью его детей и внуков, и он в конце концов стал на их сторону. Отец признал, что ошибался, оценивая ситуацию, но цена, которую он заплатил, оказалась чрезмерно высокой. Грэг представил себе, что бы почувствовал себя отец, будь он жив, узнав о его, Грэга, гибели? У Славика Снежка в Снежном остались жена и двое детей, и Грэг подумал, что они, наверное, очень не скоро смогут получить тело, если вообще смогут. Что бы чувствовала его одиннадцатилетняя дочь? Как бы она жила без него? Грэгу стало страшно. Лучше не думать об этом. Лучше говорить себе, что мы воюем ради того, чтобы наши дети не знали войны и жили в нормальной стране. Так всегда все говорят, по обе стороны фронта. Грэг глубоко вздохнул и забылся темным сном, который иногда бесшумно рассекали трассера.

– Когда «дэнэеровцы» стреляют, я вообще не боюсь! – громко говорил, даже не пригибаясь под свистящими высоко над головами минами, незнакомый боец. – Все равно промажут! – Мины действительно беспорядочно ложились метрах в двухстах-трехстах от колонны.

Утром «Днепр-1» привезли к Иловайску со стороны села Виноградное, через блокпост 40-го тербатальона «Кривбасс», что около поселка Зеленое, и поставили задачу войти вместе с батальонами «Азов» и «Шахтерск» в город. Сначала брали Виноградное: отработал танк, потом стреляли из только что выданных агээсов, в результате батальон без потерь зашел в населенный пункт. Быстро зачистили улицы, в нескольких домах даже оставались люди.

– Берите яблоки, угощайтесь, – говорили они и протягивали спелые сочные яблоки.

– Старая власть вернулась! – отвечали на вопрос, откуда взялись и кто такие, бойцы.

При зачистке в одном из дворов Грэг обнаружил снаряд от «града», здоровенную такую «градину», правда, без боеголовки. Снаряд сиротливо прикрыли тряпкой и наверняка готовили для сдачи на металлолом.

– Что, сюрприз прилетел? – спросил он с улыбкой у хозяина, худого длинного мужика в несвежей майке и рваных спортивных штанах. Мужик, громко дыша перегаром и ковыряясь руками в штанах, замычал что-то о единой Украине, «дэнээре» и Путине.

На окраине Иловайска, возле церкви, батальон опять уперся в хорошо укрепленные позиции. По словам местных жителей, сепаратисты ждали здесь штурма уже несколько дней. Где-то рядом воевали «Азов» и «Шахтерск» и, как слышал Грэг по рации, снова понесли потери. Отделение Грэга рассредоточилось, укрываясь от плотного минометного огня, наверняка неподалеку работал корректировщик. Ничего не оставалось делать, как вызывать огонь прикрытия, после чего Грэг вдруг увидел, как по другой стороне улицы несется толстый мужик в бронежилете, скорее всего, тот самый наводчик. От неожиданности Грэг с напарником даже не успели выстрелить, как между их головами прошла автоматная очередь, и сепаратист скрылся за бетонным забором. Они отработали вслед двумя залпами из автоматов, но только зря потревожили бетон. «Да, – подумал Грэг, – настоящее Божье провидение. Повезло, что тому Джексону в “Криминальном чтиве”». – И тут же рядом упала мина – уаа! – за ней следующая – уаа! уаа! – над головою засвистели осколки. Начался мощный минометный обстрел, и батальону пришлось отходить обратно в Виноградное.

На ночь расположились в недостроенных домах на окраине села. Перед сном, превозмогая дикую усталость, бойцы заложили шлакоблоками оконные проемы. Очень хотелось есть, спальных мешков с собой никто не брал, поэтому спали на поддонах и досках, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть, не забывая отпускать соответствующие шуточки относительно того положения, в котором оказались ночью голодные одинокие мужчины в пустом доме.

Утром привезли еду – десять банок свиной тушенки. Пожалуй, для сотни сутки не принимавших пищу бойцов, среди которых имелись мусульмане, этого оказалось маловато, и Грэг

с товарищами отправились опустошать огороды и погреба. Они съели все помидоры и огурцы и даже не совсем созревший виноград, которого здесь, в Виноградном, оказалось много – в соответствии с названием.

Когда бойцы уже совсем расслабились и заварили чай, начался плотный минометный обстрел, и с чаем пришлось повременить. Отступали хаотично, под свистящими совсем рядом минами, страх путал ноги и мозги, но подавить минометный расчет противника наша артиллерия не могла. Как пояснил потом штабной полковник, по причине того, что батальонные координационные сетки не совпадали с координационными сетками артиллеристов. Рядом отходили «Шахтерск» и «Азов». Эти батальоны продвинулись немного дальше, до самого блокпоста противника, и при попытке штурма вновь потеряли людей. Бойцы возвращались без настроения, очевидно, что вся эта затея с хаотичным штурмом Иловайска им совершенно не нравилась. В тот же вечер «Азов» и «Шахтерск» погрузили тяжелое вооружение и отбыли на свои базы.

Настроение на базе в Старобешево в «Днепре-1» под вечер также трудно было назвать бодрым. Для многих добровольцев война из дома казалась совсем другой, да и мало кто предполагал, что им, милицейскому по функциям, батальону, придется штурмовать укрепрайоны и бегать в атаку. Их учили иному: охранять объекты, зачищать город после того, как его возьмет армия, нести службу на блокпостах. Многие бойцы откровенно выказывали свое нежелание возвращаться на позиции.

Утром на построении полковник, понимая, что ситуация в подразделении накалена и моральный дух бойцов не на высоте, сказал:

– Вы – добровольцы. Заставлять воевать я вас не могу и не буду. Дальше будет еще сложнее – мы заходим в Иловайск. Поэтому те, кто хочет вернуться домой в Днепропетровск, могут выйти из строя.

Грэг имел свой четкий план и понимание сложившейся ситуации. Боковым зрением он видел, как пошевелинулась, подалась вперед почти вся шеренга, поддаваясь первому импульсу, и через паузу из строя начали выходить люди. Он считал: один, два, три, четыре, пять... Обана! – да это же Чипс, их командир вышел! Вот же сука трусливая! Шесть, семь... Досчитав до пятнадцати и увидев, что больше никто не выходит, Грэг, переглянувшись с товарищами, наклонил голову и сделал три четких шага вперед. За ним шагнуло, согласно уговору, все отделение, десять человек.

«Интересно, что бы сказал отец?»

Завтрак на красной земле

Люблю завтракать и смотреть в окно. Но только если это не окно автобуса, по которому в любую секунду может что-то пролететь. Град, например. Или дождь, размазывая каплями по стеклу пейзаж. Но о дожде, хотя бы маленьком, сегодня можно только мечтать – жара стоит несусветная, градусов тридцать пять, не меньше. А вот о «граде» мечтать не стоит, хотя большинство из нас знает, что такое обстрел только из роликов на ютубе. Здесь, на Донбассе, в августе климат совсем не такой, к которому привык дома: днем жарко и душно, зато ночью – очень холодно, пробирает до костей. Здесь, на Донбассе, многое совсем не так, как там, в остальной Украине. Иногда даже складывается впечатление, что все двадцать три года независимости мы жили в разных государствах.

Мы едем по пыльной узкой дороге колонной из нескольких микроавтобусов и автомобилей, и если бы не война, то, глядя на нас со стороны, можно было бы подумать, что колонна совершает экскурсионный автопробег по дорогам Донбасса. Собственно, мы и есть «Донбасс», добровольческий батальон. «Ударим автопробегом по бездорожью!» – цитирует классику Шева и широко улыбается, белозубо сверкая. Он сидит рядом, всегда готовый к бою: в каске, затянутый в бронежилет, и не выпускает из загорелых сильных жилистых рук автомат. Я уже несколько раз советовал ему снять каску и «броник», как и поступил давно сам, но Шева только потеет и отшучивается: «Команды не было!» Он всегда такой – правильный. Когда я увидел его в первый раз на нашей базе под Днепропетровском, то подумал, что он наверняка или стоматолог, или американец, потому что в нашей стране такие белые зубы могут иметь либо первые, либо вторые. Как ни странно, Шева – обычный предприниматель из Хмельницкого. А зубы... как-нибудь я спрошу, почему у него такие белые зубы, чем он их чистит. Такие же белые, как у Франко. Вот он – настоящий американец, но если послушать его и некоторых из наших, то Франко – куда больший украинец, могу поручиться головой. Сколько раз ему предлагали занять командную должность, но он всегда только улыбался во все тридцать два и отшучивался. Попробуйте-ка предложить кому-то из наших соотечественников руководящую должность, сколько человек из десяти откажется? Я скажу сам – ни одного. Его настоящее имя – Марко Паславский, он действительно – гражданин США, потомок украинских эмигрантов. Об этом можно уже говорить, о нем столько раз рассказывали журналисты по телевизору, что это далеко не секрет. Но он – не наемник, не «дикий гусь», а высокооплачиваемый финансист-консультант, богатый человек, который вращался в самых высоких кругах, и казалось бы, сдалась ему наша война. Но он здесь. Простой открытый человек, с приятной улыбкой и душой патриота, словом, романтик, как и большинство из нас. Помню, как Франко говорил Филарету, нашему замкомбата: «Когда мы победим, я стану главой Национального банка Украины и разрушу все схемы олигархов. А я их схемы за время работы в Украине хорошо изучил, поверь мне, Фил!»

Небо над нами – синее, а солнце – беспощадное. Очень хочется пить, но мы экономим воду, иногда делаем только пару маленьких глотков. Изредка останавливаемся в населенных пунктах, чтобы уточнить у местных дорогу. Ничего не могу сказать об их настроениях, кроме того, что все они нам вымученно улыбаются. Шева говорит, это потому, что им все равно – Украина или Россия, «элэнэр»/«дэнээр» – лишь бы их не трогали и платили зарплаты и пенсии. Они хотят прожить свою жизнь без потрясений. Днем покопать огород, вечером посмотреть передачу по телевизору, какой-нибудь НТВ или «Россия-24»; поговорить по телефону с детьми и внуками, знать, что у них все хорошо. Они не хотят ничего, кроме хорошей пенсии и хорошего урожая. По своей сути, утверждает Шева, они очень хорошие люди, но их доброта – как семейная реликвия, она принадлежит только им и их близким, ее ни в коем случае нельзя выносить из дома. Они тщательно оберегают свою доброту от посторонних и эконо-

мят, когда ею пользуются, как европейцы экономят горячую воду и электричество, словно она тоже стоит на счетчике и за нее может прийти квитанция с огромным счетом – «за доброту». Таких людей в каждой стране – процентов семьдесят, утверждает Шева, их называют обывателями, и в мирное время им цены нет, но историю делают наиболее активные десять процентов граждан. Те, кто готов рискнуть жизнью. Вот мы и есть какая-то часть из этих десяти процентов. Здесь нас человек двести, может быть, немного больше, может, немного меньше, никто из рядового состава не знает точного количества бойцов – постоянно то кто-то присоединяется, то кто-то отъезжает. На Иловайск идут не только «Донбасс», но и «Днепр-1» и несколько ребят из «Правого сектора». Мы хотим замкнуть Донецк в кольцо, заткнуть сепаратистам все дыры, перекрыть им все дороги и покончить, наконец, с этой войной. Через неделю (сегодня 17 августа), максимум, через две, думаю, мы все уже будем дома. Где-то рядом, параллельным курсом, идут наши «смежники» – батальоны «Азов» и «Шахтерск». Мы должны действовать в связке. Есть ли у нас план? Мы все надеемся, что он есть у наших командиров. По крайней мере, нам известно, что они собирались по этому поводу в Урзуфе под Мариуполем, на базе «Азова». Неделю назад, 10 августа, уже предпринималась попытка штурма Иловайска: четверых человек из «Донбасса», в том числе и одного из заместителей комбата, убили на мосту около Многополя. Семен говорит, что их расстреляла российская диверсионно-разведывательная группа. Сам он в это время ездил в магазин за водой. Батальон, дойдя до самого города, отошел на базу из-за сильных обстрелов противника. Справа от «Донбасса» тогда также работали «Азов» и «Шахтерск», они тоже понесли потери. Наше отделение участия в той неудачной попытке взять город не принимало – мы охраняли в те дни артиллеристов совсем в другом городе, так что судить мне трудно.

Не обошлось и без эксцессов с местным населением, Гром рассказывал: «Наблюдаю картину: сидят бойцы «Шахтерска» кружочком, а посередине – ящик водки. Заезжаем в село, заходим в магазин, а продавщица – в слезы: «Помогите, – говорит, – ящик водки забрали!» Так что местным, думаю, есть, чего опасаться, война на людей влияет непредсказуемо. А, в общем, непонятная история с этим штурмом тогда получилась: и люди погибли, и штурм как такового не состоялось. Но мы надеемся, что в штабах сделали выводы и сейчас все пойдет иначе. Что я еще могу сказать? Есть приказ – значит, его нужно выполнять, это же война, а не клуб «Что? Где? Когда?» Наша задача – за день-два-три зачистить город и передать территорию армейцам. Сепаратистов там, как говорят, не очень много. Только одного не могу понять: если сепаратистов там не очень много и все так просто, то почему город не взяли 10 августа? И откуда здесь российская ДРГ?

Под Старобешево мы приезжаем ночью, уставшие и голодные. Звучит команда отбой. Но многие из тех, кто впервые на боевом задании, заснуть не могут, сказывается нервное напряжение. Здесь лежат рядом друг с другом десятки незнакомцев, которых я знаю только по позывным – в батальоне не принято интересоваться без особой нужды, кто ты и откуда. Но сегодня нет в мире более близких мне людей, чем эти. Вот спит Артист. Он из-под Донецка, многодетный отец, семью вывез в Днепропетровскую область. Высокий худощавый крепкий мужик с внимательными серыми глазами, старшина в отставке. Всегда готов прийти на помощь, часто вслух благодарит Бога. Возможно, для того, чтобы Тот смог его лучше слышать и не забывал. Почему Артист? Затрудняюсь сказать, мы никогда не говорили с ним об этом. В позывных есть что-то мальчишеское, несерьезное. Во дворах и на улицах в детстве практически каждый пацан имел кличку: Лысый, Зея, Фома, Джон, Быря. И в то же время позывной – это как отзвук шпионского сериала, тайной подпольной борьбы, пелена секретности, которая покрывает твою жизнь. Но вообще-то позывные нужны, прежде всего для личной безопасности и безопасности семей – в батальоне много ребят из самого Донбасса, у многих из них на оккупированной территории остались семьи, почти у каждого – родители. Так что

позывной – это не просто игра, он – как узелочек, который связывает две веревочки, две наши жизни: мирную и военную.

В батальоне, с первого же дня, ты действительно начинаешь жить иначе. Никогда не думал, что в Украине наберется столько людей, готовых сражаться за ее свободу. Разных, духовитых, удивительных людей, способных жертвовать собой. Вот спит Мирный, совсем мальчишка, не знаю, сколько ему лет, на вид – не больше двадцати двух, такое у него беззащитное лицо, как у ангела. Он родом из Кривого Рога, программист, в батальоне – с мая, позывной взял, можно сказать, с карты – его бабушка живет в одноименном поселке где-то в Одесской области. Что привело Мирного и таких же, как он, мальчишек, сюда? Мне трудно отвечать на эти вопросы, для себя я предпочитаю эту часть ответа – мы здесь для того, чтобы защитить свою страну. И это правда. Остальные мотивы – второстепенны. Этот мотив, возможно, для кого-то покажется недостаточным аргументом: мол, что дало вам это государство за двадцать три года своего существования, кроме постоянной борьбы за выживание и человеческое достоинство? Но знаете, что я вам скажу? Мы не оглядываемся назад, мы смотрим вперед. Поэтому мы и здесь, впередсмотрящие добровольческие батальоны. Смешная история с позывным получилась у Филарета. Он сам – из Луганска, афганец, офицер в запасе, совсем взрослый мужик, 56 лет. Почему-то позывной, который он хотел себе взять, был Кирилл.

– Ты что, охренел? – завопил Дед. – Ты хоть знаешь, кто такой Кирилл?

– Кто? – удивился будущий Филарет.

– Конь в пальто! Точнее...й в рясе!

– Так я и не подумал об этом, я ж...

– Значит, все – будешь нашим Филаретом! – постановил Дед.

Вот так иногда – даже из борьбы церковей – рождаются позывные. Дед погиб под Карловкой, прикрывая отход нашего небольшого отряда из окружения. Шева говорит, геройский был мужик, шестьдесят четыре года, отстреливался до последнего патрона, сдаваться в плен отказался. А Филарет стал со временем заместителем комбата. У нашего комбата – самый оригинальный позывной в мире – Семен Семенченко. Недолго ломая голову он взял себе другое имя и фамилию, надел на голову балаклаву – и все, ищи-свищи, кто ты такой и откуда. Кем Семен был до того, почему стал заниматься батальоном, мы не знаем, и, честно говоря, не стремимся узнать. Главное, что батальон существует как боевая единица, выполняет серьезные задачи, здесь товарищеская атмосфера, сюда идут хорошие люди, а все остальное, что выходит за пределы наших позывных и времени, в котором они существуют, нас не интересует. О том, как боец жил, какая у него семья, сколько детей осталось сиротами, кем работал, мы узнаём, как правило, только на его похоронах. Там, среди родственников и знакомых, те из нас, кого командируют на прощание с покойным, словно производят информационный обмен: они рассказывают, как служил и как погиб боец, а им – каким он был в мирное время, до того, как получил свой позывной.

Очень простой позывной у Шевы.

– Шевченко – самая распространенная в Украине фамилия, так что анонимность мне точно гарантирована, – как всегда, иронизирует мой товарищ. Он младше меня на семь лет, но он значительно лучше приспособлен к войне. – Это все равно, что Мюллер в Германии или Смит в Великобритании.

– Или Рабинович в Израиле! – шутит кто-то.

– Не знаю, не бывал, – парирует Шева.

– Или Иванов в России!

– Я двоих, как минимум, знаю! – хмурится Шева, намекая на известных личностей в руководстве Российской Федерации.

Шева не балагур и не душа компании, он говорит только тогда, когда у него спрашивают. Но его уважают в батальоне, и многие прислушиваются к его словам, хотя Шева – обычный

рядовой боец. Он среднего роста, не богатырь, но очень выносливый и в руках чувствуется незаурядная сила. Меня часто подмывает спросить, где он работал, где служил, откуда у него такая сноровка в обращении с оружием. Но даже наши товарищеские отношения не дают мне права задавать такие вопросы. Захочет человек – расскажет сам. Когда Шева хмурится, то становится очень похожим на своего тезку-поэта с известного портрета, только без усов и шапки, так и ждешь, когда он скажет: «Встане правда!» И когда он это действительно говорит, то есть цитирует Тараса Григорьевича Шевченко – притом, что наш Шева абсолютно русскоязычный человек, – мне кажется, что вместе с нами действительно воюет реанкарнированный Кобзарь.

Утром собираемся очень быстро. Странно, но после практически бессонной ночи мы бодры и полны сил. Батальон грузится в автобусы и машины, и мы объезжаем Иловайск стороной. С нами идут несколько «коробочек» (бээмпэ, бэхи), которые нам прикомандировали из 17-й танковой бригады, командует ими капитан Апис, широкоплечий крепкий парень, настоящий боевой офицер. Наш план – обойти укрепрайон противника и зайти в город с не обороняемой западной стороны. Около села Грабское замечаем на обочине несколько трупов, одетых в странную форму.

– Казачки, – говорит Шева. – «Всевеликое Войско Донское». Видишь, как придурковато одеты? Папахи, штаны с лампасами, будто в цирк приехали. Вояки из них никакие, зато мародерничать – всегда в первых рядах.

В Грабском с начала августа стоит украинский блокпост (4001), его охраняет 40-й батальон теробороны «Кривбасс». Как бойцы тут выдерживают постоянные артобстрелы и наскоки сепаратистов, трудно сказать, но выдерживают. В середине августа наши бойцы помогали им зачищать село, с тех пор ситуация с обстрелами мало изменилась, правда, теперь они отвечают обстрелами на обстрел и держат сепаратистов на расстоянии. Нас приветствует молодой двадцатидвухлетний лейтенант-танкист с позывным Глеб. Рядом с ним мохнатый пес с позывным Полковник гоняет курицу с позывным Прапор. Через Грабское будут снабжать подразделения, которые зайдут в Иловайск, так что от стойкости 40-го тербата, 17-й танковой и других подразделений, которые держат тут оборону, во многом зависит судьба предстоящей операции. Капитан Апис и лейтенант Глеб заходят в город на четырех «коробочках» вместе с нами. «Кривбасс» героически держит такие же блокпосты, блокируя основные пути к Иловайску, еще на трех трассах. На одном из них бойцам приходится особенно тяжело. У них ранен и госпитализирован командир, нужна броня, но никакой брони им не дают, вообще ничего не дают и ничего не говорят, кроме мата по рации и бодрой, но тупой команды: «Держаться!» И они держатся. Когда смотришь на таких парней, начинаешь уважать свою страну.

В Иловайск мы входим со стороны села Кобзари легко, без огневого контакта. Как и предполагал Семен, нас здесь не ждали. Быстро заняв и зачистив несколько кварталов с частными домами, мы укрепляемся и расставляем дозоры по периметру, штаб и база располагаются в школе. Мы не встретили здесь пока ни одного сепаратиста, а все местные жители из-за двухсторонних обстрелов сидят по подвалам и не решаются даже поднять головы.

Шева рывком открывает двери погреба, я кричу вниз:

– Всем выйти с поднятыми руками! Оружие бросать на землю перед собой! – Палец – на спусковом крючке, в руке – граната. Если мне покажется что-то подозрительным, я обязательно ее брошу вниз.

Из подвала выходят только дети, женщины, старушки и старики. Они очень боятся нас, это очевидно. Для них мы – каратели, бандеровская сволочь:

– Всех, кому за шестьдесят, вы расстреляете, – вполне серьезно рассказывает о наших планах милая бабушка в белом платочке. – А тех, кто старше пятнадцати, заберете в трудовые лагеря Коломойского.

Они удивлены, что практически все «каратели» говорят на русском языке, и не готовы принять этот факт как данность, подозревая нас в лингвистическом подлоге.

– Вы откуда сами? Зачем пришли к нам? – бросаются мирные вопросами, как комьями грязи. Они голодные и злые.

Некоторые бойцы называют города и поселки Донбасса, откуда они родом, показывают свои паспорта с пропиской, и местные начинают потихоньку оттаивать и даже берут еду, которую мы предлагаем.

– Они если не все, то процентов восемьдесят – точно против нас, – говорит, раскладывая сухпаек перед отбоем, Шева. Это наш первый прием пищи сегодня, мой первый завтрак на красной земле Донбасса. Конечно, не такая она уж и красная, но и не такая черная, как у нас, это точно. Зато ночи здесь – словно уголь, чернее «Черного квадрата».

– Зачем нам этот город? Эта земля? Этот, пропитанный пылью, воздух? Что нам тут делать? Нас тут никто не ждет. Это же не люди, это – телезрители. У них Кисилев головного мозга! – делюсь впечатлениями после общения с местным населением.

– Перевоспитывать! – зло отвечает Шева. – Только перевоспитывать – лагерями Коломойского! А если серьезно, то докторской колбасой, хорошими зарплатами, вкусными апельсинами, желательными, не наколотыми, шоколадными конфетами Порошенко – в прямом и переносном смысле. Телезрители – они тоже люди, они вкусно кушать хотят. И это – наша земля, и неважно, какого она цвета. Через пару дней посмотрим, что ты скажешь.

На самом деле это не смешно – здесь, на украинской территории, нас, граждан Украины, большинство местных жителей считают врагами. Но парадокс в том, что из-за таких, как они, мы и находимся здесь. Какой-то замкнутый круг. Шева со мной не соглашается. Зевая, он говорит, что я пытаюсь переложить ответственность за войну на какую-то отдельно взятую группу людей, а это неправильно.

– Ничего я не пытаюсь перекладывать, – возражаю я, – кроме рюкзака под головой!

– И автомата!

«Ладно, – думаю я, – посмотрим, что ты скажешь через пару дней, если земля действительно покраснеет...»

Штурм. Между знанием и верой

Что может сделать маленькие города или села всемирно известными? Древность их храмов, как Маалюля и Саидная, или гении, которые в них родились, как Зальцбург. Легендарные фестивали, которые в них проходили, такие, например, как Вудсток. Священные реки, которые протекают сквозь них, как у индусов Варанаси, или священные горы, что высятся рядом, как у китайцев, или смертоносное извержение вулкана, который уничтожил и засыпал пеплом Помпею. Но самый короткий и самый верный путь для городков и сел к всемирной славе – это война. Кто знал о существовании Аустерлица, Ватерлоо или Бородино до знаменитых битв, которые произошли в их окрестностях? Кто слышал о Конотопе или Аламо? Или Перл-Харборе? Что знали мы об Иловайске до того, как прочитали о нем в Википедии, кроме того, что это – маленький городок на востоке Украины недалеко от границы с Россией? До того, как пришли сюда?

«Город районного значения. Донецкая область, Харцызский городской совет. Основан в 1869 г. Город с 1938 г. Площадь 10,8 км. Высота центра 195 м. Официальный язык – украинский, русский. Население – 16 143 человека (2011). Плотность – 1632 чел./км². Телефонный код 6257. Почтовый индекс 86793...

...Иловайск основан... как разъезд № 17 на железнодорожной линии Харьков – Таганрог. Назван по имени Иловайских, по родовым землям которых в этих местах пролегла дорога. После постройки Второй Екатерининской железной дороги (Долгинцево – Волноваха – Иловайск – Дебальцево) в 1902–1904 гг. Иловайск стал узловой станцией...»

Теперь, когда мы здесь, мы знаем об этом маленьком городе значительно больше. Мы знаем, что Иловайск разделен на две примерно равные части глубокой балкой и железнодорожными путями. Мы знаем, что большой мост взорвали сепаратисты, и теперь на другую сторону людям можно попасть только через узкий пешеходный мостик или под ним, а технике – только в объезд. Мы знаем, что на нашей стороне города, которую мы заняли вчера, находятся депо, мастерские, управление железной дороги, другие, еще не обследованные нами объекты, что здесь есть детский садик, куда вот-вот должен зайти батальон «Днепр-1», и есть школа, где обосновался «Донбасс». Мы также точно знаем, что сил захватить и удерживать город у нас недостаточно. Но мы верим в свою удачу, она нас еще не покидала на этой войне. Но иногда между знанием и верой лежит непреодолимая пропасть.

Первым погиб Улыбка – он всегда улыбался, даже в самых сложных ситуациях никогда не падал духом – при зачистке депо Улыбка спрятался за железными воротами, но крупнокалиберная пуля пробила и ворота, и каску.

«Их» часть города располагается на высоте, и хотя это и не дает решающих стратегических преимуществ, обстреливать из тяжелой артиллерии сверху всегда приятнее, чем прятаться от обстрелов внизу.

Окоп – вот самое безопасное место сегодня, 19 августа 2014 года, в Иловайске. Здесь, на углу, их два: один маленький, как щель, окопчик, другой длинный, он чуть глубже метра. Это пост № 5. Здесь дежурят и днем и ночью четыре бойца. Их задача – держать периметр и не давать противнику пройти к штабу через «зеленку» и железную дорогу. В окоп сложно попасть «градом», поэтому, по привычке, Бусил, например, даже не просыпается при обстрелах: открывает глаза, послушает звук летящих снарядов – и спит дальше. Железные нервы у человека. Гораздо опаснее обстрелы кассетными бомбами: слышишь хлопки, смотришь, как на тебя надвигается стена огня, и просвета в ней нет. Но окоп спасает, окоп – это царь обороны. Время от времени пост № 5 обстреливают из охотничьего ружья, неумело и неточно. Гром считает, что стреляет человек, плохо владеющий оружием, возможно, подросток, или старик, или про-

сто пьяница, потому что ни регулярности, ни точности в этих обстрелах нет. Для порядка бойцы несколько раз устраивали зачистку домов, но никого, кроме обезумевшего голодного тощего пса на цепи в ближайшем дворе, не нашли.

Штурмовую роту – около семидесяти человек – на ту сторону поведет невысокого роста крепкий опытный боец с позывным Бишут, «двойной выстрел». Этот человек с пепельными волосами стреляет действительно очень хорошо и быстро. Выдержать пристальный взгляд Бишута сложно любому, как и не терпящую возражений манеру командовать, но вольнолюбивые бойцы батальона беспрекословно выполняют его приказы. Бишут немногословен, его прошлое сквозит войной, и это трудно скрыть. Штурмовая рота состоит из двух взводов, которыми командуют Шульц и Артист. Эти парни пойдут к зданию городской администрации напрямую. Перед разведчиками, которыми командует Скиф, офицер-афганец, кавалер ордена Красной Звезды, стоит задача зайти со стороны и обнаружить огневые точки противника. Операция тщательно продумана, и если все пойдет хорошо, то скоро город будет наш. С минуты на минуту мы ждем подкрепление, два добровольческих батальона должны ударить по Иловайску с флангов и растянуть оборону противника, отвлечь его силы от нашего проникающего удара прямо в центр, в самое сердце. Комбата, к сожалению, с нами снова нет. Семен с Бишутом и комбатом «Днепра» Березой возле пешеходного моста дорабатывали план операции и попали под минометный обстрел. Осколками мины ранило нескольких бойцов и самого комбата, который, хватая ртом воздух, свалился прямо на карту Иловайска, расстеленную на земле. В школе медики оказали Семену первую помощь, после чего комбата вывезли из города и эвакуировали на вертолете в Днепропетровский госпиталь.

От пешеходного моста до административного центра Иловайска по прямой – метров 500, не больше. Установив пулеметные гнезда, наша штурмовая группа быстро перебегает через мост и глушит огневую точку в одном из частных домов в самом начале примыкающей к мосту улицы.

– Внимание! – Бишут вдруг останавливается и резко поднимает руку, прислонив рацию к уху. Докладывают из «секрета», который выдвинулся чуть вперед. – Внимание! В вашем направлении движется микроавтобус с людьми!

Через минуту бусик беззаботно, будто и не гремит вокруг война, выскакивает прямо на бойцов «Донбасса», которые орут, что есть сил: «Стоять! Руки!» – и готовы открыть огонь на поражение в любую секунду. Из автобуса понуро, выбрасывая на землю оружие, выбредают люди.

– Кто такие? – спрашивает Бишут.

– Катаемся тут... – неопределенно отвечает седой мужчина, похожий на москву, пытаюсь понять, кто стоит перед ним. Он говорил с акцентом, точнее, сразу с двумя акцентами: по-русски с российским и еще с каким-то иностранным.

– Документы есть? Общайте их.

Седой мужчина оказывается российским поэтом из Вены с позывным Австриец. Он приехал повоевать на стороне «Новороссии», набраться здесь, на войне, вдохновения, словом, он считает своим гражданским долгом поучаствовать в правом деле освобождения русских земель от украинских фашистов. Трудно передать его изумление и ужас, когда он понимает, что оказался в плену украинского добровольческого батальона.

– Ненавижу хохлов! – с вызовом, нелепо откинув седые волосы, бросает российский поэт, стихи которого нам неизвестны.

– Вот же сука! – злится снайпер Семерка и изо всей силы бьет прикладом СВД пленному сначала в ребра, а потом несколько раз по ногам. Подпрыгнув и скорчившись от боли, Австриец приседает.

– Пленных не бить! – резко осаживает страсти Бишут. – Везите их в школу.

Остальные девять человек из бусика оказались неопределенного происхождения. Документов у них нет, речь выдавет выходцев из России, а осанка – военное прошлое или даже настоящее.

Пройдя два квартала, штурмовая группа натывается на мчащийся неизвестно куда зеленый «уаз» с встроенным минометом. Через несколько секунд изрешеченная пулями машина врежется на всей скорости в столб, на ходу из нее выпадают два уже мертвых сепаратиста. Бойцы сняли миномет и спрятали в ближайшем сарае, таскать с собой его было бы слишком тяжело. После поворота направо зачищаем еще одно «гнездо», хотя противник и успел сделать три бесполезных выстрела из ручного противотанкового гранатомета в нашу сторону. Но стрелять из эрпэгэ по людям все равно, что из пушки – по воробьям. Двое гранатометчиков стреляли по очереди и спрятались в канализационный люк – одного удалось ранить, второй ушел невредимым. Ближе к центру города на нас открывает охоту снайпер, и Бишут дает команду переместиться на другую сторону улицы, в мертвую для обстрела зону. Мы стояли уже практически у цели: рядом – магазин АТБ, напротив – администрация. Мы хотим водрузить на ней украинский флаг, но тут, простреливая насквозь улицу и площадь, по нам плотно начинает работать крупнокалиберный пулемет.

Бойцы залегли вдоль домов, а Бишут с группой из двух пулеметчиков и нескольких стрелков, проскочив под огнем, продвигается ближе к магазину. Они стреляют и бросают гранаты наугад, вслепую – из-за многоэтажек и деревьев трудно было разобрать, где находится огневая точка. Пулемет тоже лупит вслепую, кроша стены и срезая траву получше иной газонокосилки. Пока мы сидим и думаем, что делать дальше, из «зеленки» в нашу сторону открывают огонь еще несколько автоматчиков. Ситуация из непростой превращается в очень сложную – нашу штурмовую группу противник разделил на две части и лишил инициативы. Мы не можем двинуться ни вперед, ни назад, мы можем только лежать под шквальным огнем пулемета и ждать, когда же снайпер наконец поймает кого-нибудь из нас на мушку и пристрелит.

Никто так до сих пор и не понял, зачем Шульц выбежал из укрытия. Возможно, зная, что поступает чрезвычайно рискованно, он верил в свою счастливую звезду. Комвзвода рванул через открытое пространство, но не успел пробежать и нескольких метров, как его застрелил снайпер. Шульц вскрикнул и упал. Он был еще жив и дергался в конвульсиях, мне захотелось броситься к нему и оттащить в укрытие, возможно, его можно было еще спасти. Меня остановил грубый окрик Шевы:

– Не двигаться!

Я с удивлением посмотрел на товарища. Тот прошептал, брызгая от ярости слюной:

– Лежи тихо. Снайпер ждет, пока кто-то наивный, типа тебя, не побежит его вытаскивать.

Считай: раз, два, три...

На счет «четыре», убедившись, что никто не бежит за раненым, снайпер добивает Шульца выстрелом в голову. Я видел, как сжал автомат Артист, как другие бойцы, не желая верить, что их комвзвода, один из самых опытных бойцов, убит, с отчаянием смотрят друг на друга. В их глазах я не видел страха, но все мы понимали, что что-то пошло не так.

Для того чтобы двигаться дальше, нам необходимо узнать, где засели пулеметчик и снайпер. Бишут дает по рации команду Скифу и его разведгруппе обойти большую девятиэтажку, возможно, сказал он, оттуда вы их сможете засечь. Это маневр оказался последним для славного солдата Скифа. Не успели разведчики выйти из-за девятиэтажки, как его смертельно ранили из пулемета, практически все его бойцы также получили ранения разной тяжести.

Большинство бойцов штурмовой группы по-прежнему остаются в мертвой для обстрелов снайпера и пулеметчика зоне, но мы не можем знать, как и куда будет перемещаться противник, как долго наша зона будет оставаться безопасной. Нам нужно что-то быстро предпринимать, и Бишут и еще трое бойцов, несмотря на постоянный обстрел, перебегают еще ближе к администрации. Они бьют из автоматов по «зеленке», заставляя отойти вражеских

стрелков, и одновременно пытаются вычислить снайпера. Бишут, судя по всему, примерно уже понимает, какой у того сектор обстрела, и может оценить, насколько грамотно построена у противника оборона: задействовав не так много людей, они контролируют все пространство в центре города. Каким-то образом к Бишуту пробирается медсестра Алина, притащив на себе еще живого Скифа. Алина тампует ему раны, но Скиф уже практически не дышит. Откуда-то посреди улицы в горячке боя возникает словно из-под земли – самое подходящее выражение здесь – еще один наш разведчик. Он тут же получает свою пулю в ногу, просто повезло, снайпер, наверное, в это время кусал пирожок. Разведчик катается по траве и громко стонет, кто-то из бойцов хочет рвануть к нему на помощь, но снова остановлен сумасшедшим по ярости криком командира. «Раз, – начинает считать Бишут, – два, три, четыре...» – Он закрывает глаза, ожидая контрольного выстрела в голову разведчика и не желая видеть его смерти, и мысленно прощается с товарищем. Но выстрела почему-то не звучит. Бишут смотрит с удивлением – он знает, что чудес не бывает, но верит в них, хотя не настолько. И тут же, выглянув на мгновение из-за угла, в чердачном окне многоэтажки он замечает движение, совсем маленькое шевеление, практически неуловимое для глаза.

– Эй, гранатометчик, – зовет он через улицу. – Давай сюда быстрее, – и показывает рукой, как по дуге безопасно можно обогнуть зону обстрела.

Гранатометчик, молодой парнишка с позывным Мороз, сосредоточенно смотрит, куда показывал ему командир.

– Нелегко будет попасть.

– Ты же снайпером хотел быть! – улыбается Бишут. – Давай, пробуй.

Первый выстрел уходит чуть выше, зато второй разваливает чердак на хрен. Снайпер, судя по всему, прекращает жить и стрелять навсегда.

– Пулеметчики, прикройте! – и тут же, намаявшись от безделья и безнадёги, оба наши пулеметчика начинают свирепо наваливать по сепарам, прикрывая «газельку», которая проскакивает опасную зону и подлетает к Бишуту. Они загружают Скифа и Шульца – жизнь еще теплится в его крепком теле, и он смотрит затуманенным взглядом в небо, но с каждым мгновением цвет небес становится все темнее, и Бишут закрывает товарищу глаза.

Бой идет еще около двух часов. Огонь противника все время усиливается, туда подходит подкрепление, а наши смежники – два батальона, которые должны прорваться в город с фланга, – все не идут и не идут, и мы даже не слышим звуков боя. Мы не знаем, что с ними случилось, где они застряли, почему их нет, но до последней секунды верим и ждем, что они ударят по сепаратистам. Медсестра Алина, не пожелавшая уехать на базу, в пылу боя кричит, чтобы противник прекратил огонь, что здесь лежат раненые. Это был очень женский, очень материнский крик с просьбой о милосердии и требованием сострадания. Но о каком милосердии и каком сострадании может идти речь в жестоком бою? Алина вела себя мужественно, удивляя своим бесстрашием бойцов: откуда в таком маленьком хрупком создании столько отчаянной смелости и силы? Ее светлая голова мелькает то тут то там – везде, где раненым нужна помощь. Она не боится пересекать открытые пространства под обстрелами, работать на виду у противника – и Бог ее бережет.

Чтобы подавить пулемет, мы нуждались всего лишь в одной «коробочке» и получасе времени. Всего полчаса – и мы бы взяли центр Иловайска. Но мы не имели там ни «коробочки», ни даже десяти минут – боекомплект заканчивается, а силы противника с каждым часом растут. Артист и еще несколько бойцов направляются через дворы искать возможность засечь пулеметную точку, но бесполезно – мы так и не можем поднять головы из-за обстрела.

– Отходим! – наконец дает команду Бишут. Сидеть и ждать, пока тебя застрелят – бессмысленное занятие даже на войне. Что-то не сработало, что-то пошло не так, к тому же, помощи других батальонов мы так и не дождались.

– Уходим! Быстро! – Бишут остается последним, прикрывая отход. В принципе, он бы тоже успел уйти, если бы не пуля, которая попала ему в голову – бац! Он на мгновение потерял сознание и упал, а когда очнулся, то обнаружил, что пуля пробила насквозь его новенький шлем. Но немецкое качество кевлара спасло Бишуту жизнь – пуля, развернутая металлом, ударила в череп плашмя и всего лишь сильно контузила. Но драгоценные для отхода мгновения были уже упущены. На площадь выскакивает вражеский бэтээр, снова изо всех сил лупит пулемет. Возле Бишута остается только раненный в ногу Никитос, который помогает командиру подняться и спрятаться в подъезде жилого дома. Они оказываются отрезанными, и больше в Иловайске мы их не видели, и не слышали, и не знали, что с ними случилось дальше, живы ли они или попали в плен, а может, им удалось каким-то чудом выбраться из города. Рация их не отвечала.

Всех раненых и убитых мы вывезли к пешеходному мосту на трофейной «газели», даже не знаю, что бы мы без нее делали. Когда мы утром наступали, то на каждом перекрестке оставили пулеметные расчеты, которые теперь прикрывают наш отход. Возле моста дежурит отделение Занозы, среди других бойцов отход штурмовой группы прикрывает и Франко. Мы уходим через низ, через железную дорогу – мост простреливается с нескольких сторон. Марко, помогая носить раненых, под минометным обстрелом несколько раз перебегает на ту сторону и возвращается обратно. Им оставалось продержаться совсем немного, несколько минут, когда рядом упала мина. Мастера ранит в лицо, а Франко осколки попали в голову и грудь. «Так больно дышать, – шепчет он, – так больно дышать...» Мы еще верим, что его можно спасти, но знаем, что это невозможно.

Граница. Вторжение

Карацупа говорил, что тишина на границе – самое опасное. Не верьте. Самое опасное – это когда пропускной пункт, на котором ты дежуришь, кроют минометами четыре часа подряд. А самое хреновое ощущение – это когда в День Независимости колонны военной техники покидают боевые рубежи и понуро отступают тебе за спину.

– Эй, Нацгвардия, – окликаем мужиков на броне, – отступаешь?

– Отходим на заранее подготовленные позиции, – отвечают севшие осиплые голоса.

Уставшие и пустые глаза этих солдат забыть невозможно, таких глаз не бывает у живых людей. Оглушительно громко режут танки, лязгают по красной твердой, как камень, земле гусеницы, вздымая в раскаленном августовском воздухе сухую, словно кирпичную, пыль, натужно пыхтят старенькие бээмпэ и бэтээры. На нашу технику без слез не глянешь – вся побитая, много идет на сцепке, у машин клинят то коробки передач, то башни, то ходовая. Жестоко матерясь, вылезают из машин мехводы с кувалдами и ключами и торопятся устранить поломки – никто не хочет здесь задерживаться дольше, чем предусмотрено скоростью транспортного средства. Сзади, упираясь друг в друга бамперами, глохнут, закипая, шестьдесят шестые «газы» – «шишарики» – и сто тридцать первые «зилы», забитые боекомплектom, и почти в каждой машине, вопреки инструкциям и здравому смыслу, сидят и лежат люди прямо на ящиках с минами и гранатами. Подняв капоты, уставшие и издерганные водилы скрепя сердце поливают тонкими струйками из пластиковых бутылок бензонасосы водою – в такую несусветную жару вода здесь на вес золота. И отовсюду – с брони, с кузовов, из люков – на нас смотрят пустые зеницы, в которых на фоне белесого равнодушия тлеют оранжевые огоньки радости. Они вырвались из пекла, им повезло – они уходят, а значит, возможно, останутся живы, не в пример тем, кто сейчас бьется там, на Савур-Могиле.

Мы провожаем колонну глазами. Украинская армия покидает «Сектор Д». Еще несколько дней тому мы видели, как наши збройники шли на Саурку – бодрые и веселые, полные энтузиазма после ротации, а сегодня они ползут обратно – побитые, страшные, растерянные. Туда ехали люди, оттуда возвращаются призраки.

– Там капкан, – говорит суровый танкист. – Расстрел. – У него почти нет бровей и обожженное лицо: «Эй, погранец, ты жизни не видел, в танке не горел!» – шутит без улыбки, на ходу, без эмоций, автоматически, словно заряжая магазин «ак». А может, и не шутит.

Они уходят – мы остаемся. Мы – это передвижной пограничный отряд, 48 человек, добровольцы-контрактники. Нас неплохо подготовили и вооружили. Месяц погоняли на полигонах, научили стрелять из агээс и крупнокалиберного оружия, а потом посадили на три «газа-бб», перекрашенных в защитный зеленый цвет, которые, очевидно, в мирной жизни возили продукты по сельским магазинам, и в середине июня отправили сюда, на границу, в Донецкую область на пропускной пункт «Успенка». Служба обычная – суточные и дневные наряды для пулеметчиков и снайперов, остальные бойцы – в «секретах» или на пропускном пункте. Проверяем документы, патрулируем местность, задерживаем нарушителей границы; три дня назад, например, взяли наркомана из Ростова – весь в наколках, вены в дырках, ехал к нам воевать, угод.

В общем, ничего сложного, и если бы не минометы, которые начали лупить числа с двадцатого, то жить можно. А с минометами – нет, жить нельзя. Доктора не разрешают.

На высотку над Григоровкой ежедневный наряд – десять человек. Высотка, как говорят, господствующая, отсюда российская территория – как на ладони. Мы видим, как заходят на позиции, быстро разворачивая боевые расчеты, российские «грады», и долбят по Савур-Могиле. Это зрелище, особенно ночью, покруче, чем последний эпизод «Звездных войн» в кинотеатре 5Д – смертоносные фейерверки пролетают практически над нашими головами.

Отсюда хорошо виден штык гранитного памятника солдатам Великой Отечественной на кургане – ничто его не берет. Там еще вчера развевался украинский флаг, теперь маячит флаг «Новороссии».

Между Марьинкой и Савур-Могилой – глубокий и длинный яр, идеальное место для прохода тяжелой техники. Сюда уже пытались заходить танки с той стороны, Т-72, их легко можно распознать по характерному звуку (наши орут так, что уши закладывает), а эти – модифицированные, урчат тихо – збройники успели отойти, не принимая боя, и передать координаты артиллерии – танки накрыли плотным огнем.

– У нас есть приказ отступить? – задаем сами себе вопросы, ответы на которые знаем заранее.

– У нас нет приказа отступить! – звучит патриотично, но на душе скребут кошки. Очень хочется верить, что нас не бросили тут одних.

– А какой у нас есть приказ?

– Приказ по охране государственной границы.

Но где она, эта граница? Ее нет в том строгом понимании, к которому мы привыкли по фильмам или кто-то, может быть, по службе в Советской армии: полосатые столбы с названиями государств, демаркационная линия, колючая проволока; нет, это обычная пересеченная местность без всяких знаков. Поэтому на карте мы можем только приблизительно провести карандашом условную черту – вот, видите, это граница между Украиной и Россией. Признаки и символы государственной границы здесь – это только пропускные пункты с государственными флагами. И польза от этих ПП разве что в том, чтобы получить в паспорт штамп и миграционную карту, если пересекаешь границу официально. В общем, в мирное время здесь рай для контрабандистов и пограничников – кататься туда-сюда сколько угодно, всегда можно договориться, все свои – и погранцы, и контрабандисты, а «контрабаса» во все времена на всех хватало.

Весь погранотряд – и местный, постоянный, и наш, передвижной – базируется в Амвросиевке, практически в центре города. Городок небольшой, районный центр, население – тысяч двадцать, многие работают в России, что неудивительно – до границы рукой подать, на хорошем танке за полчаса доехать можно. «Ирония судьбы, – говорит Академик. – Полгода назад я буквально в пятистах метрах от этой заставы, на соседней улице, открывал филиал нашей аграрной академии. Думал, буду приезжать сюда читать лекции. А вместо этого сижу тут с автоматом в руках...» Мы по-прежнему ходим в наряды и «секреты», но на ПП «Успенка» никого уже нет. Да и пропускного пункта, строго говоря, уже трое суток как тоже нет.

Для начала россияне туда для острастки закинули мин тридцать-сорок, будто давали понять, чтобы мы убирались вон – сожгли пару будок в стороне и успокоились. Стреляли метров с четырехсот-пятисот, то есть били сразу из-за российского пропускного пункта, не стеснялись, знали, что ответного огня не будет. Когда мины падают, то звук обычно такой: вуух-вуух, а тут стреляли под углом чуть ли не 90 градусов: ты слышишь выстрел – пух! – и тут же – шшшшшшшшш – это мина уже падает.

До того как начались эти массированные обстрелы, несколько дней подряд местные толпой валили в Россию. Очереди на пропускном пункте стояли в несколько километров – торопились, тянули с собой кучу вещей, в последний день людей вывозили даже «уралами», словно беженцев.

Мы пытались с ними разговаривать, что-то спросить, рассказать – бесполезно. Например, Академик молодому пацану говорит:

– У тебя дома война. Куда ты уезжаешь? Мы вот со всей Украины сюда приехали...

– Тебе надо, ты и воюй! – отвечает пацан и сплевывает себе по ноги.

И это еще хорошо, что сплевывает себе и сплевывает под ноги.

Такой вот разговор о судьбах Родины.

Мы их пропускали, и россияне их пропускали без проблем, а потом резко, в один день – не стало ни фур, ни машин, ни людей. Что-то знали. Все что-то знали. Только мы ничего не знали.

Что такое наш пропускной пункт? Большой прямоугольный ангар, обычная железная коробка с бетонным полом. Когда вечером начался очередной обстрел, мы ушли дальше, в окопы, которые вырыли накануне ночью. Земля там, как глина: твердая, ломается, крошится, но только не копается – это у нас в черноземах окапываться легко, а там что камень лопаткой долбишь. Минометные обстрелы мы делим на две категории, по калибрам: «дискотека» – это 82-миллиметровыми шмаляют, а «рамштайн» – это уже 120 миллиметров, серьезное оружие. Минометчики у россиян бьют, что снайпера – кладут мины со второго выстрела прямо в башню бэтэра, а по окопу, где мы сидели, так прямо в рядок клали, как под ниточку. Спасло то, что мы вырыли в стенках диагональные норы, там и отсиделись, как зверьки. Что каждый думал в эту ночь – никто не делился впечатлениями, да и не хотелось, если честно.

На следующее утро, как только стихло, проехали посмотреть на «Успенку» – ангар весь в дырках, можно вместо решета пользоваться. Был пропускной пункт – и нет пропускного пункта, нет государственного флага, а значит, и нет границы – заходи, дорогой брат.

Днем, очевидно, для разнообразия, сразу после обеда, нас начали обстреливать из «васильков», это миномет такой, очень противный. После четвертого залпа мы вычислили, что на перезарядку им нужно секунд тридцать, никак не меньше, как раз то время, чтобы пробежать триста метров до заброшенной фермы: там весовая, а под ней – бетонная яма. Там мы и схоронились. Как выяснилось, при обстреле в отряде прекрасно все бегают, не в пример учебным кроссам. Настроение отличное, боевое: сидели, шутили, немного выпивали, а без ста грамм обстрел новичку трудно пережить. А мы все – новички, все сорок восемь человек – никто боевого опыта не имеет. Ни Американец – это такой позывной у него, любит во все американское одеваться (вот бы попал в плен к сепаратистам, его бы по «Лайфньюс» показали. Корреспондент: «Какой ваш позывной?» Американец: «Американец». Корреспондент: «Как видите, это не просто слухи об американских наемниках!»); ни старшина, позывной Старшина, понятно почему; ни Автобус, наш лучший водитель; ни Академик, кандидат наук, потому и Академик; и никто другой, хотя разные люди здесь служат – и по возрасту, и по опыту, и по специальностям, но никто до этого в живых людей из нас не стрелял и по нам тоже до этого дня даже из пистолета Макарова не пуляли. Но это из области психологии больше, а так есть у нас ребята очень даже хорошо подготовленные. У того же Академика двоюродный брат – гранатометчик ручных противотанковых гранатометов, профильный специалист, два раза в неделю на дневные и ночные стрельбы в Перевальском, что в Крыму, на срочной ходил. Но так интересно все у нас устроено: тут, в отряде, он назначен командиром отделения, зато гранатометчиком у него – ветеринар, который до этого числился в отделении фельдшером. Вот пойми это наше командование!

Имели мы и броню – два танка рядом стояли. Правда, они с места не могли сдвинуться – у одного коробку передач выбило, у второго рулевое заклинило. Збройники со Снежного выходили, ну и оставили здесь их вроде бы как колонны прикрывать, а потом забыли, наверное, о них. Мы не успели эти танки взорвать, слишком быстро русские в Григоровку вошли. Слышим только по радиии:

– Что? Колонна валит? Все, с...я отсюда! Быстренько! Лекарства заберите!

Радиии, кстати, у пограничников никуда не годные – «Кордон», ни черта не слышно уже в радиусе одного километра. Раньше, говорят, «Моторолами» пользовались, но потом тендеры-швондеры, Литвин Литвина кроет издалека, в общем, как обычно это у нас получается. Теперь «Моторола» – это не рация, а рыжий карлик-маньяк на той стороне войны.

Утром дали и нам приказ – эвакуироваться из зоны обстрела. Да у нас бы и боеприпасов на три вражеских танка максимум хватило. Да и кому воевать?

Амвросиевский постоянный погранотряд состоит в основном из местных контрактников, чуть больше ста человек. Это немного, если принять во внимание протяженность границы на участке. Среди них, естественно, есть люди, которые поддерживают сепаратистов, не явно, конечно, но и особо не скрываются. Например, Топоров, с которым Серега Кабан в столовке не на шутку завелся, до драки дело дошло, размахались руками, за грудки похватали один одного, кровиха хлещет: «Сепар!» – «Фашист!» – «Кацап!» – «Бандеровец!» – словом, поговорили по душам, весь серебряный столовый набор пропаганды вывалили. Еле растянули их по углам. Только успокоились, как тут еще один свой пятак макает, за сепаров подписывается, Петренко, кажется, фамилия:

– У меня семья живет в Донецке! Надо как-то мириться, как-то договариваться!

О чем договариваться, брат? С кем? В общем, быстро поставили на место. Командир отправил обоих куда-то подальше от нас служить, мы и не видели их больше. У каждого же оружие, жили в блиндажах, несли боевую, всякое может случиться. Но, что характерно, чем ближе был День Независимости, чем активнее обстрелы, тем контрактников на заставе становилось все меньше. Куда они девались, непонятно: может, по домам расползались потихоньку, может, еще куда. Но большинство, как и мы, все-таки продолжали нести службу, оставались верны присяге.

Вчера возле Лисичьего состоялся серьезный бой, в котором ранило Серегу Кабана и Андрея Лепеху. Вместе с нацгвардией наш «секрет» уничтожил колонну из двадцати автомобилей, сепаров положили не меньше сорока – много кавказцев, но много и русских – тела густо в наколках «Русская Православная армия», кресты, лики Иисуса и все такое, т. е. несущий просвещение и добро «русский мир» в полный рост. Собрали трофеев немного, ну и записные книжки, карты, рации, телефоны – все сложили в рюкзак и передали командиру заставы подполковнику Волынскому, как положено. У нас потерь нет, кроме раненых, у нацгвардии паренька-гранатометчика убили, жаль парня, он из своего агээса полколонны зажег.

Из Амвросиевской районной больницы всех наших «трехсотых» уже эвакуировали, кроме Сереги Кабана – врачи говорят, нетранспортабелен. Все-таки сквозная в живот – не шутки, большая потеря крови.

Отношения с местным населением сложились у нас своеобразные. Здесь внешне никто не выказывает враждебности, наоборот, стараются улыбаться, как в американских фильмах, разве что как-то бабка шла по улице и втихаря кулак нашему патрулю показала, но это больше смешно. А так – сплошная любезность. Стоишь в очереди в магазине – подойдут, бутылку водки обязательно в корзинку положат, пару десятков гривен сверху: мол, пацаны, давайте, расслабьтесь, у вас же стресс. Политика у них такая: надо, чтобы мы побольше бухали – и политика правильная, потому что бухали действительно много, и увидеть на улице Амвросиевки пьяного украинского военного – проще простого. Ну, и какое отношение будет к нам после этого?

Ты двое суток в наряде, возвращаешься на заставу в восемь утра, а твой сменщик уже вмазанный, куда ему в «секрет»? Умываешься, завтракаешь – и снова в поле. Так и служили. Ты ему: «Не бухай!», а он через двадцать минут снова бухой. Ну что его, домой отправить, в тюрьму посадить? Реакция командира – ни хрена никого не трогать. «Хватит бухать!» – скажет командир и пойдет пить пиво.

А если девки нужны, то тоже поставляли, с этим не возникало проблем. Думаю, даже если бы мы наркотики заказали, то местные привезли бы, не сомневаюсь. Некоторые из местных помогали искренне, например, Ашот-фермер на заставу и картошку подвозил, и овощи, и фрукты, но такой он один был, кто не боялся. Остальные если и помогали, то старались скрытно это делать. Едет женщина на велосипеде, кинет патрулю пакет с салом так, чтобы никто не видел – наверное, лучше об отношении местных к украинским военным и не скажешь. Но все равно зря старались – все продукты, которые передавали местные, выбрасывались – поноса и так хватало, а медикаментов мало. Здесь качество воды такое, что поневоле оценишь

ту воду, которую тебе дома в краны подают. Плюс условия и качество сухпайков: прокальваешь ножом консервы сардины, а она фонтанирует пеной, потому как +40 по Цельсию на улице. Но сардины – это еще самое съедобное. Взять, например, тушенку, которая на девяносто процентов состоит из воды, и только на доньшке баночки кусочек мяса плавает. Сардину, кстати, из сухпайка убрали потом, дорого, видите ли, им обходится. А банка воды с куском жилы с надписью «Консервы из говядины» – недорого?

Странное все-таки у нас командование – мы всю неделю передавали информацию о передвижении российских войск, о незаконном пересечении государственной границы многочисленными колоннами военной техники, о возможном окружении – ноль реакции. Утром 25-го вернулись наши наряды от границы, говорят – збройников нет, нацгвардии – нет, осталась, по ходу, только наша застава. Командир нашего передвижного отряда майор Буряк, отставной мент, дал команду загрузить боекомплект и выстроить всю нашу технику в сторону Кутейникова и Иловайска (туда отходили наши колонны) – и выставить дозоры по периметру Амвросиевки. Так, на всякий случай. Ну и все, до обеда провели Серегу Кабана в больнице, а потом каждый занялся своими делами: кто бухать, кто поспать, Академик постирался, Автобус, как всегда, хлопотал возле машины, наводя марафет. Около 16.00 со стороны Иловайска раздался такой грохот, будто десять громов ударили одновременно. Ну, думаем, вот это наши воюют там! И тут команда:

– По машинам!

Сорвались все резко, как никогда. Академик так вообще в трусах выбежал – не успела форма просохнуть. Сделали переключку – троих не хватает. Где они? Вроде на периметр ушли, но точно никто не знает. Буряк приказал разыскать их по рации: если они на периметре, значит, должны выйти на связь. И тут, как на прогулке, подходит к строю командир заставы подполковник Волынский, переодетый в гражданку – мы так удивленно на него смотрим – зато с автоматом наперевес, и задвигает такую речь:

– Товарищи пограничники! Мы полностью окружены. Для сохранения жизни личного состава приказываю оружие закопать, военные билеты сжечь и выходить небольшими группами, желательно вместе с беженцами. Идти рекомендую до железнодорожного полотна, а там прорываться на юг, к Мариуполю. Такая ваша задача! – сказал, сел в «уазик-патриот» и укатил в неизвестном направлении. А мы остались стоять на месте как вкопанные, и только глотали пыль из-под колес. Офигели, мягко говоря.

– Нас просто сдали только что, как тару! – это Автобус первый сказал.

А потом понеслась:

– Лично я военник жечь не буду!

– Я оружие не сдам!

– Пошел он на хер со своим приказом! Он, сука, продался сепарам и смылся по гражданке, а мы как уйдем? У тебя паспорт есть? А у меня нет, только военник. Даже если есть паспорт, остановят тебя сепары – прописка не местная. Где живешь? А, в Харькове-Чернигове-Сумах? Что здесь делаешь? Покажи плечо – ага, так вот же они, синячки-то от автомата!

– Уходить надо, прорываться!

– Нельзя уходить, нужно оборону на заставе держать!

– Так и ляжем здесь все не за хрен собачий! Какой смысл, если мы в кольце?

Что интересно, никакой паники не наблюдалось, и при всем разнообразии вариантов, парадоксальности аргументов и горячности спора ни один человек не предложил следовать приказу командира заставы подполковника Волынского. Такая странная у нас армия, другой такой в мире точно нет – собралась, как ртуть, за считанные дни из обычных гражданских людей-добровольцев, как Терминатор-2; дурных приказов не выполняет, воюет, как умеет, хорошо или плохо – это уже иной вопрос, но воюет же. И кормят-одевают-обувают эту армию тоже

не генералы из Министерства обороны, а обычные добрые люди, которых теперь называют волонтерами.

Договорились в итоге оставить все свои личные вещи и прорываться на одной бэхе, двух «уазах» и четырех «шишариках» со всем боекомплектом. Будь что будет, но не в плен же сдаваться?

– Сидоренко, Лихута и Соколов на связь вышли? – речь о тех троих, которые ушли на периметр.

– Нет, товарищ майор.

– Ну, тогда тут вопрос такой: погибнет сорок пять человек или трое? Будем ждать?

– А какие еще варианты?

– Да нет у нас вариантов. – А в глаза друг другу никто не смотрит. – Надо ехать.

– Тогда по машинам: Академик, садись к Автобусу в кабину, возглавите колонну. Общее направление – Мариуполь.

– Товарищ майор, что значит: «общее направление – Мариуполь»? У нас даже карты нет. Куда ехать?

– Вот карта, смотрите. На ней все равно ничего не разобрать, – майор раскрыл на планшетке затертый листок бумаги, исчерченный сплошными и пунктирными линиями. – Дороги тут так нарисованы, что скорее в Москву по этой карте заедешь, чем в Мариуполь. Давайте, Автобус вывезет, он опытный.

Автобус действительно опытный. Мужуку за пятьдесят, не пьет, не курит, спортом занимается, крепкий не по годам. Всю жизнь баранку крутил, служил еще в Советской армии, в автобате на Кушке, в учебке, где готовили водил для Афгана, был там инструктором. У нас в отряде все знали: если везет Автобус, то машина не сломается, в дороге не потеряемся, в яме не застрянем. В сравнении с ним другие водилы – аматоры, хотя Автобус их, конечно, подна-таскал. Вот и отрядил его майор Буряк-редиска в голову колонны вместе с кандидатом экономических наук Академиком в расчете на сплав практики и теории, мастерства и науки – дорогу угадывать. И надо сказать, не прогадал в итоге. Хотя, если честно, думали, все, конец нам: два кольца, два конца, а посередине гвоздик. В гробик. И самое обидное: ни позвонить, ни эсэмэс отправить домой – третьи сутки телефоны не работают, связь глушат плотно.

Академику даже в кабине «шишарика» тесно, он ростом за метр девяносто, высокий жилистый парень, руки-ноги длинные, ладони с лопату, ему бы в волейбол играть или плаванием заниматься. На Грушевского, говорят, зимой был одним из лучших метателей коктейля Молотова по «Беркуту». Очень трудно представить его пишущим диссертацию, но, однако же – кандидат наук, действующий преподаватель вуза, хотя студенты его вряд ли любят – слишком правильный и взятки наверняка не берет. О чем говорить, если он даже на заставу белую подшиву для воротничка взял: мол, по уставу положено. Дисциплинированный до тошноты, но и выносливый, как черт, может по трое суток подряд в «секрете» сидеть и, главное, не бухает. Что за человек?! Хотя, если честно, на таких, как Академик и Автобус, да Серега Кабан, да еще десятка полтора-два, вся служба и держится, не в обиду другим сказано. Не потому что смелее или лучше, просто более подготовленными оказались к внештатным ситуациям и устойчивее к рутине и алкоголю.

Двинулись: четыре «газ-66», два «уаза», одна бэха. Направление вроде бы понятно – Иловайск – Кутейниково, но по какой дороге конкретно ехать, большой вопрос.

– Мне Ашот рассказал все достаточно подробно, – говорит Автобус, – я с ним еще вчера эту тему перетер. Я понял, конечно, но не все запомнил.

– Разберемся.

Только выехали из Амвросиевки, как начали крыть минометами. Не то чтобы очень близко, но и не очень далеко. Поехали на Кутейниково, и по всей трассе, около 30 км, где шли вчера и позавчера наши колонны – все выжжено, то тут то там трупы бойцов: то голова, то рука,

то гора кишок. Скорее всего, что разбили их буквально накануне, развалили всех, кто шел до нас, но запаха пороха мы почему-то не ощущали. Там поля, и дороги практически не видно, после обстрелов все выжжено, двадцать сантиметров пепла, а они все кладут свои мины – то там взрывы, то там, пристреляли все дороги, вот и долбят. А мы пять минут едем – пять минут поливаем водичкой бензонасос.

– Дали машины булки развозить по сельпо – нате, ребята, воюйте! Говорил я им: дайте, нормальную технику! – ругается Автобус, у него из-за пепла и земли заклинило выжимной подшипник. – Военный «камаз» выдерживает 15 минут после дырки в колесе, компрессор воздух докачивает, борта бронированы, стрелковым оружием не достанешь, а и потяжелее чем-то еще попасть нужно. А что мы? У меня в кузове двенадцать человек и полный боекомплект! Поймаем хоть из пистолета пулю в ящик – и все, разлетимся, как хлопучки на хрен!

Академик слушает внимательно, не отрывая взгляда от дороги. Пейзаж похож на необитаемую после ядерной войны планету.

– А знаешь, я до войны практически коммунистом был. – Автобус ведет грузовик уверенно, чувствуется рука мастера. – За Россию переживал, к тому же, брат у меня там родной живет, в Хабаровске. Я Путина идеальным руководителем считал, а сейчас я его, как бы это... ненавижу, наверное. Ты на Майдане, Академик, стоял?

– И на Майдане, и на Груше.

– А я на Майдан со стороны смотрел. Не верил я в эти разговоры о сдаче Украины. Но когда Крым отжали, стало понятно, куда оно клонится. Места себе не находил...

– А теперь?

– Теперь нашел – вот мое место, за этой баранкой.

Наконец уперлись в перекресток. Не очень понятно, куда дальше двигаться, даже камня никакого с надписью нет: мол, поедешь туда – коня потеряешь, туда – еще что-то; у нас в какую сторону не сунься – везде стреляют. Стали звонить Ашоту – нет связи. Часа два уже прошло, как выехали. Наконец, непонятно какой дорогой, но Автобус довез нас до Кутейниково, памятник ему поставить надо за ориентирование на местности. Остановил свой «шишарик», спрыгнул на землю и сказал, что дальше первым не поедет:

– У командиров карты есть, пусть они и ведут.

Со всех машин к головной подтянулись сержанты и офицеры – решать, что дальше делать.

Академик высунул в окошко свою белобрысую голову и виноватым голосом сказал:

– Хлопцы, а мы Серегу Кабана в больнице забыли.

У майора Буряка, кажется, в этот момент даже усы дыбом встали.

– Как забыли?! – хотя сам прекрасно понимает, как именно – просто в суете и страхе из голов у всех вылетело, что товарищ наш на больничке в Амвросиевке остался. Тяжелораненый, к тому же, товарищ.

– Прощелкали мы Серегу, мужики...

– Твою мать!

– Эй, а где бэха наша делась? Никто не видел?

– Да она вроде вправо за посадкой свернула возле разбитой колонны, а мы налево пошли.

Рация не отвечает, шипит что-то непонятное...

– Ну, как так можно воевать?!

Ну, как-то воюем. Только действительно непонятно, с кем именно: они нас видят, над головами беспилотники, не смолкая, жужжат, а мы перед собою только выжженные поля наблюдаем и черную пыль. И человеческие останки. Пепел залетает в открытые окна автомобилей, оседает на лице, руках, одежде. Из черных огарков торчат белые, как сахар, человеческие кости. Объезжаем сгоревшие машины, бэтээры, бэхи, все разворочено, разбито, обожжено. Металл, который должен защищать, стал крематорием. Колонну теперь ведет майор

Буряк, но он оказался очень прав насчет своей карты – то не туда заехали, то снова не туда, – уже поздний вечер, а мы все крутимся на одном месте.

Наконец решились в село заехать – Осыково, у населения дорогу спросить. Повстречали деда:

– Тут ваши ребята, украинские, – говорит, – в подвалах прячутся. – И дорогу, как на Тельманово правильно ехать, показал. Надеемся, что правильно. Но надо же, как завернул: «Ваши ребята, украинские...» – будто сам он из Кабо-Верде.

Собрали мы по подвалам человек двадцать збройников. Тени, а не люди: 51-я бригада, 93-я. Автобус к Академику в кабину парнишку посадил лет двадцати, хотел расспросить, что да как, но тот только и сказал, что его Лешей зовут и их шестеро из штурмовой роты из ста восьмидесяти в живых осталось. Ехал парнишка и большими серыми глазами смотрел вперед, на взрывы не реагировал, на стрельбу не реагировал, только на тишину (возможно, и прав был старый пограничник Карацупа, кто его знает) – дрожал весь, беззащитный, как младенец. Бог знает, что ему пришлось пережить.

И тут вдруг с проселочной дороги слева выезжает наша потерявшаяся бэха, мы ее уже похоронить успели – живая-здоровая, даже украинский флаг на ветру полощется. Оказалось, что когда по ошибке они свернули не в ту сторону, то хотели срезать угол по полю, но только развернулись и выехали через посадку – стоят на перекрестке два российских бэтэра. Москалик высунулся из люка и спрашивает:

– Эй, зема! А ты чо с украинским флагом мотаешься? – Мы эту бэху по своему разгильдяйству так и не отмаркировали белыми полосами, все «потом» да «завтра», это, наверное, их и спасло.

– Так мы же по украинской территории ездим! Был приказ замаскироваться, – не растерялись наши танкисты.

– А нам, б... ничего не сказали! У вас лишнего флага нет? – удивительно, но в бэхе еще один флаг нашелся, кажется, туда складывали все флаги с заставы. Подъехали поближе, не останавливаясь, кинули на броню россиянам украинский флаг и на всей скорости понеслись, куда глаза глядят. Так и проскочили. Повезло. А где-то около Кутейниково остался стоять российский бэтэр с украинским флагом на башне.

Как-то сразу вместе с наступлением сумерек навалилась усталость, вокруг начала мерещиться вражеская техника, такие странные полувидения-полугаллюцинации. Нельзя сказать, что мы испытывали страх или ненависть, горели желанием вступить в бой или прекратить это все немедленно, убежать, спрятаться – скорее, в людях преобладала фоновая тревога и рефлексы по самозащите, а страх – от незнания ситуации: как далеко зашли россияне, что происходит? Это уже настоящая война началась или еще нет? Что будет дальше? Взят ли Мариуполь?

– Смотри, Автобус, бэхи стоят! – вдруг закричал Академик, показывая вперед, на перекресток, прикрытый деревьями. – Оружие к бою! – передает сигнал по рации. – Тормози!

– Поздно останавливаться, вперед!

Проезжаем, а это всего лишь ветки и тени, но издалека может показаться, что это танк стоит. Смеялись. И только Леха не смеялся, краешки губ только подрагивали. А потом и нам стало не до смеха. Видим отчетливо – стоят в сумерках российские танки, пять или шесть Т-72 без опознавательных знаков, те самые, модифицированные, урчат, рядом – минометная батарея, буквально триста метров вдоль дороги. Окопались, оружие в боевой готовности, для полного счастья не хватает только команды «огонь!» – техника новенькая, солдаты – по выправке, зачем-то машут нам руками, то ли приветствуют, то ли прощаются. Почему они не стреляли? Почему не уничтожили нас? Для всех это секрет. Скорее всего, не могли подумать, что из их глубокого тыла может прийти такая большая колонна, откуда здесь украинские военные, если

все они давно должны лежать, размазанные и сожженные по полям и дорогам? А Автобус возьми, да и посигналь еще.

– Эй, Академик, поставь, где взял! – это Автобус просит Академика не трогать руками автомат. – Нас же сейчас покروشат на винегрет за минуту.

– Руки чешутся!

– Так почешу свои руки, а автомат поставь!

В Мариуполь прибыли утром. Никто нас здесь не ждал.

– Откуда вы взялись? – удивлялись в штабе. – Разве вашу заставу не уничтожили?

Здесь так мирно, хорошо, работает связь – все быстренько позвонили домой, правда, никто в подробности не вникал, да и сложно о таком рассказывать домашним. Это если бы по всей стране война шла, тогда нас кто-то бы смог понять. Дозвонились в Амвросиевку, новости нас поразили:

– Сепары расстреляли Ашота. Прямо в центре, привселюдно, за помощь оккупантам, то есть нам, украинским пограничникам. А казармы наши гранатами закидали – озверели совсем сепары, думали, что не успеем мы уйти, хотели за ту колонну отомстить, что двадцать третьего мы вместе с нацгвардией расхерячили. Трех наших, что там остались, в плен взяли. Хана им теперь.

– А что Кабан?

– Говорят, исчез из больницы, как сквозь землю провалился. Сепары на него охоту открыли, с ног сбились, но найти не могут.

Расположили нас, поставили на довольствие и неделю не трогали. Автобус Леху со штурмовой роты 93-й аэромобильной бригады плотно под свою опеку взял, мальчишка его иначе чем дядя Сережа и не называл. Как-то сидели мы вечером, пили чай с коньяком, смотрели новости по кретиноскопу, как раз об «Иловайском котле» показывали. Тут Леха и заговорил. Не знаю, верить или нет его словам, у страха, говорят, глаза велики, но, похоже, что сказал парень правду. Говорил он отрывисто, не всегда понятно, но, в целом, с тем, что мы слышали об «Иловайском котле» от других бойцов, вышедших из окружения, вполне сходится:

«20 августа нас, первую штурмовую роту в составе 180 человек откомандировали на подмогу 51-й бригаде в район Кутейниково – Осыково. Неподалеку на старой ферме, около Зеркального, в бетонном ангаре был обустроен большой склад боеприпасов. Мы расположились немного ближе к границе, плотно засели в зеленке. Нам сказали: «Ждите приказа». В этот день было относительно тихо, обстрел велся, но нерегулярный и крайне неточный, мы даже не пригибались. Мины ложились далеко, и мы шутили: мол, сепары совсем стрелять не умеют, с кем там воевать?»

24 августа, в День Независимости, в 5.30 утра начался очень мощный и кучный обстрел. Били из-за границы РФ, мы понесли первые потери. Плотность огня была очень высокой, и в результате прямого попадания начал взрываться склад РАО. Наши же снаряды и мины выстреливали по нам в течение часа, не меньше, и от этих взрывов в радиусе 400–500 метров погибло много людей. Лично я видел, как погибли два наших медика, которые побежали на помощь раненым. Все, кто успел, спрятались в окопы, тех, кто бежал – порвало осколками. Раненых мы забрать не могли, там так и оставили. Товарищ мой, Саша Чернов, тоже погиб. Когда склад перестал взрываться, прекратился и обстрел. Кто остался жив, пошел собирать куски ребят, замполит складывал их в кучки и пытался идентифицировать. Мы с самого начала обстрела просили разрешить стрелять в ответ, но такой команды из штаба не поступило, а потом уже стало поздно – все наши огневые системы подавили.

Днем 25-го, через пару часов после окончания очередного обстрела, началась зачистка: две колонны россиян – около 120 единиц техники, в том числе броня, где-то до 20 «камазов» с личным составом (по 40 чел. в каждой машине обычно едет) – зашли с двух сторон, взяв нас

в кольцо. Шли танки и бээмдэ, за ними – пехота. Сметали все на своем пути, никого не щадили. Видел сам, как Т-72 крутился на блиндаже с нашими ранеными, раненых, лежащих в поле, достреливали двумя выстрелами – в грудь и в голову – я сидел в посадке около ставка и все это видел собственными глазами, хотя мозг отказывался верить в происходящее. Многие наши бойцы пытались уехать на оставшейся технике, убежать, не приняв боя. Командиров наших я не видел и не слышал, где они. Бойцы с 51-й проклинали то ли Пивоварова, то ли Пивоваренко, не помню, он у них числился исполняющим обязанности комбата, кричали, что он предатель. С нами остался только старшина – не знаю ни имени, ни фамилии, не видел его ни в плену, ни после плена – он организовал оборону, шестнадцать бойцов с ним остались держать коридор для отступающих. Мы отстреливались из пэзээрка, с нами работали бээмпэ, танк – эти танкисты тоже попали в плен. В итоге нас окружили: кто-то погиб, остальные сдались. Российские солдаты вели себя нагло, кричали: «Мы – миротворцы! Мы пришли сюда навести порядок!» – хотели расстрелять нас тут же, в окопах. Российский майор не дал. Вывели на дорогу, там кавказцы, твари, измывались: били, связывали руки и клали на асфальт вниз лицом, заводили бээмдэ и подъезжали вплотную, хотели раздавить живьем. Спас нас российский майор: «Смертей пленных здесь не будет!» Потом держали в каких-то окопах – шестнадцать человек нас было: пятнадцать – из 51-й бригады, и я один – из 93-й – в поле за Осыково, не кормили и не поили, ночью холодно дико, спали, обнявшись, много раненых. На следующее утро, ничего не сказав, россияне ушли. Мы, как могли, добрались до Осыково, нас накормили местные жители и спрятали в подвалах. Там вы нас и подобрала...»

Мы сидели ни живые ни мертвые. Конечно, мы понимали, помня разбитые колонны на дороге и количество трупов, из какого ада нам удалось выскочить, но рассказ человека, который это пережил лично, нас потряс. Автобус после этого от Лехи ни на шаг не отходил, боялся, что сделает с собой что-нибудь парень. Психологическое состояние у Лехи и вправду не очень хорошее было, но ничего, сейчас снова воюет где-то под Счастьем.

Прохлаждались мы не долго. В штабе, как обычно, родили гениальную идею – привлечь передвижной погранотряд к патрулированию города. Но мы же все-таки пограничники, а не менты, у нас другие задачи. Собрали делегацию: майор Буряк, пару офицеров, старший сержант Автобус, сержант Академик – и пошли к генералу: мол, так и так, отправьте на ротацию, хотим побывать дома и служить дальше по квалификации.

– Не время для отдыха! Мариуполь в опасности! Вот ваш командир, подполковник Волынский, на ротацию не просится, хотя лично вывел колонну из окружения.

– Какую колонну? – Бойцы так и присели.

– Как какую? Вашу колонну! Вывел, прибыл, доложил, как полагается. Штаб его к награде представил – орден Богдана Хмельницкого третьей степени, хотим в звании повысить...

– Хорошо, что не Героя Украины, – пошутил Автобус.

– В смысле? – не понял генерал.

– А рюкзак с документами и мобильными телефонами из разбитой сепарской колонны вам Волынский передавал?

– Какой колонны? – Тут настала очередь генерала присесть.

Долго пришлось ему растолковывать, что к чему, но в итоге на следующий день отряд отправился на место постоянной дислокации, а подполковник Волынский служит до сих пор, правда, в прежнем звании. Трех наших выпустили из плена через четыре месяца, обменяли «под елочку».

Так мы чудом и практически без потерь проскочили «Иловайский котел». А Серега Кабан попал в морг.

Жизнь и смерть Сереги Кабана

Почему Кабан? Ну, тут ответ очевиден, по физическим параметрам – самый большой в отряде боец. Но в каждом позывном, в каждом новом названии человека, который меняет образ жизни и принимает войну, а вместе с образом жизни и войной – и отношение к жизни и смерти, есть не только звучание, внешняя сторона, наблюдения товарищей или детские мечты. Серега Кабан слыл человеком до невозможности упертым. И когда их, харьковских добровольцев, написавших заявление в территориальный батальон, в мае, как последних, турнули из Кировограда, сославшись на формальности, по прибытию домой он написал пространную петицию на сайт государственной пограничной службы: мол, Родина что, не нуждается в опытных пограничниках?

Оказалось, что да, нуждается, но Харьковский погранотряд уже полностью сформирован.

– А какой не сформирован? – спросил, напрягаясь, в военкомате.

– Сейчас формируется новый передвижной погранотряд для несения службы в зоне АТО.

Поедете на учебу?

– Хоть так убьют, хоть так, – шутил Серега в окопах под обстрелами минометов за контрольно-пропускным пунктом «Успенка», вспоминая слова жены: «Вернешься, я тебя убью!» О намерении уйти добровольцем он сообщил любимой в момент, когда последнее из необходимого – нож и ложка – паковались в рюкзак, перед самым автобусом. Он сидел на корточках перед диваном, разложив вещи из шкафа и ящиков, и удивлялся, сколько за тридцать четыре года жизни накопилось всякого ненужного барахла. На стене тикали большие часы с гирьками. Часы Кабан любил. Ему нравилось уравнивать их ход, протирать от пыли звенья длинной, свисающей петлей, цепочки, рассматривать рисунок – горный пейзаж с оленями – на циферблате. Кукушка, правда, давно сломалась, но Кабан решил, что так даже лучше.

– Ты куда это собрался? – спросила жена, заглядывая в комнату. С утра она уходила по своим делам и вернулась не в лучшем настроении. – Обедать будешь?

– В армию, – не отрывая взгляда от часов, ответил Кабан.

– В какую армию?

– В украинскую, какую ж еще.

– Когда?

– Через час автобус.

– Что ж ты о повестке ничего не сказал? С дочкой хоть бы попрощался!

– Так я попрощался уже. С утра. Не приходило никакой повестки.

– Сам, значит, напросился?

– Сам. – Кабан понимал, что не прав, но не хотел тревожить жену раньше времени, заводить лишние разговоры: что, да как, да куда? Начнет отговаривать, звонить матери. Зато сейчас все ясно и конкретно, и разговор недолгий.

– Я поняла. Вернешься, Серый, – я тебя убью! Садись обедать, на автобус опоздаешь.

Срочную службу Кабан служил с полтора десятка лет тому, но боевые навыки не утратил – в некоторых пограничных частях, в отличие от многих других в украинской армии, традиции еще чтили и служить учили по-настоящему. Встретили в отряде нормально, одели-обули, вооружили – и отправили на полигон, где дали жару так, что Кабан изорвал до негодности камуфляж и до крови сбил руки. На службу никто не нарекал, никто не ныл и не ушел. Вокруг обстреливались взрослые мужики, все добровольцы, которые отлично понимали, что один час тяжелых занятий на одну минуту продлевает жизнь в бою. Так что готовились серьезно, а когда получили задачу оправиться в зону АТО в Донецкую область на пункт пропуска «Успенка», поняли, что все повторялось и изучалось не зря. Кабан тяготы и лишения службы принимал

спокойно. Как и большинство крупных людей, он имел добродушный характер, но когда его что-то цепляло, упирался и шел до конца, а если брался за что-то, то тянул, сколько мог.

В учебке Кабан обрел новую специальность. Пулеметчик – работа в любых войсках привилегированная. Всегда особое задание, особая ответственность, в любом бою пулеметчик стреляет и убивает – по определению – больше других бойцов. За пулеметчиками охотятся, по пулеметным гнездам целенаправленно ведут огонь из минометов, гранатометов и танков, пулеметчики во все времена и на всех войнах – желанная мишень. Пулеметчиков и снайперов, попавших в плен, сепаратисты, как правило, не жалеют. Пытают, издеваются, могут расстрелять, а если и обменивают, то самыми последними. Другими словами, в бою и плену у них шансы выжить – минимальные. Но если снайперами становятся по желанию или по способностям, то пулеметчиками часто – из-за комплекции. Пулемет значительно тяжелее автомата или снайперской винтовки, таскать его на себе может только физически очень крепкий человек, вот и получалось, как в детстве во дворе – самого маленького при игре в футбол становили в ворота, а в армии – самому большому дают в руки пулемет. Серега и вправду имел от природы незаурядную физическую силу, стрелял на полигоне метко, кучно, зато бегать не любил. Поэтому, когда предложили стать пулеметчиком, не отказался: лежишь, стреляешь, а носить – не проблема, не такой он уж и тяжелый, этот пулемет Калашникова. О плене, естественно, он мысли не допускал. Ну, какой плен может быть? На заставе – полтора десятка вооруженных, хорошо подготовленных бойцов. Правда, далеко не все из них будут верны присяге, случись что – тот же Топоров-сепаратист, с которым Кабан сцепился в столовке, или Петренко из Донецка перейдут на ту сторону без раздумий, но большинство погранцов – настоящие патриоты.

До 23 августа все к тому и шло, что пасть смертью храбрых Сереге придется сразу же после дембеля – на пороге родного дома от сковородки или скалки жены, потому как пара минометных обстрелов, под которые он попадал, – еще не повод погибать на службе. Многим его товарищам мин и снарядов с той стороны досталось куда больше, но все равно бойцам из передвижного погранотряда счастливо удавалось избежать даже ранений. Из пропускного пункта «Успенка» из-за непрекращающихся минометных обстрелов пришлось отойти в Амвросиевку. Однако, потеряв контроль над ПП и сменив дислокацию, службу погранотряд продолжал нести исправно: «секреты», наряды, патрули.

В тот день на высоту над Григоровкой наряд также ушел стандартный – десять человек. Высота, как говорят, господствующая, отсюда российская территория – как на ладони; отлично видно, как заходят на позиции, быстро разворачивая боевые расчеты, российские «грады», и долбят по украинским войскам на Савур-Могиле. Это зрелище, особенно ночью, покруче, чем смотреть последний эпизод «Звездных войн» в кинотеатре 5Д – смертоносные фейерверки пролетают практически над головами. Днем с высоты хорошо видны все ключевые перекрестки дорог, но сейчас везде тихо – местные или выехали в Россию или затаились по хатам, а збройники и нацгвардия еще вчера отошли в сторону Кутейниково и Иловайска, оставив только один блокпост на перекрестке около Лисичьего.

Сереге лежал в «секрете» на высоте неподалеку, километрах в двух на соседнем перекрестке. С утра они ушли всемером на службу с тревогой – вокруг творились непонятные вещи: збройники и нацгвардия отступили, через границу из России каждый день проникают колонны машин и исчезают в лесополосах и приграничных населенных пунктах, вчера видели, как в Григоровку зашло пять чужих танков. Что будет дальше – непонятно: мобильной связи нет, оперативной информации нет. Пограничники опасались окружения, бессмысленной гибели. Разговоры в отряде ходили разные, но командиры молчали и ждали распоряжений из штаба, но штаб на донесения не реагировал.

– Эй, – сказал Дима Анишкин, – смотрите, там колонна! – и протер тряпочкой бинокль, будто бы это могло помочь изменить картинку на дороге.

Колонну уже можно было хорошо рассмотреть и без бинокля. Кабан успел насчитать до десятка единиц техники, как поступила команда отойти в «зеленку» и колонну пропустить. Впереди шел бэтээр с украинским флагом и двумя белыми полосами – маркировкой украинской армии, но такого бэтэера Кабан не припоминал, хотя вся окрестная техника нацгвардии и десантуры уже давно примелькалась на заставе, так что бэтээр был однозначно не местный. А если он не местный, тогда откуда он? С территории от границы досюда все украинские подразделения вышли еще позавчера. Заблудились? За бэтэром шла бэха, потом тяжелые «уралы» и «камазы», груженные, очевидно, боекомплект, заправщики, небольшие желтые автобусы с людьми, пара легковых машин.

– Синус, прием. Карацупа на связи.

– Прием.

– Со стороны Калинова от границы в вашу сторону движется колонна, единиц сорок: один бэтээр, одна бэха, грузовые с боекомплект, автобусы с людьми. На бэтэере – украинский флаг. Наблюдаем, нам приказано пропустить. Встречайте. Это ваши?

– Косинус, прием. Это Синус. – Рация сегодня хорошо звучит, повезло. Синус и Косинус – это позывные двух командиров подразделений нацгвардии, они вместе заканчивали киевский политех – вот и развлекаются, чтобы геометрию не забыть. – Прими информацию к сведению.

– Нет, это не наши.

– Может, збройники?

– Командир, запросите заставу, что нам делать?

– Застава приказывает себя не обнаруживать и вести наблюдение.

– Синус, Косинус, не выключайте рацию. Держите нас в курсе, – колонна скрывается за поворотом. До блокпоста нацгвардии – около двух километров, но если через поля, то гораздо ближе. – Не выключайте рацию!

Всем тревожно. Хочется, чтобы это шли свои, просто заблудились, но Кабану инстинкт подсказывает, что это не так. Какая-то неправильная это колонна, что-то есть в этом бэтэере с украинским флагом чужое, враждебное.

Рация оживает:

– Карацупа, прием! Синус на связи. – Рация шипит и плюется. – Колонна выехала с проселочной на центральную, остановилась около блокпоста. Двое вышли из автобуса около шлагбаума, по форме определить принадлежность не могу, знаков различия нет. Э, э, э! Они срывают украинский флаг со шлагбаума, ломают древко!

Включается Косинус:

– Да у них в автобусах – «дэнэеровские» флажки. Огонь, пацаны!

И как пошла вода в хату!

– Пограницы, кто рядом, помогайте, – это Синус. – Закройте им «зеленку» сзади!

Поле перебежать – не жизнь прожить, особенно Кабану с его комплекцией и пулеметом. По полю, по полю, бегом-бегом-бегом, от блокпоста слышно, как валит автоматический гранатомет, взрываются бензобаки, стрекочут автоматы и бахкают гранаты. Нужно быстрее, быстрее, но тяжело, отстал немного, задохнулся, но тут повезло – подскочил бэтээр, подобрал.

Успели в самый разгар – сепарские бэтээр и бэха, не сделав ни одного выстрела, как только начался обстрел, рванули в сторону, за ними два или три грузовика и несколько машин из хвоста колонны ушли на Лисичье. Пару грузовиков уже горело, около автобусов, покосившихся набок, лежали мертвые; живые, заняв оборону, ожесточенно отстреливались. Как и просил Синус, пограничники подперли сепаратистов с тыла, тут как раз РПК (ручной пулемет Калашникова) Кабана очень и пригодился. Он залег в «зеленке» и плотным огнем встречал всех, кто пытался уйти от плотного огня агэс и пулемета нацгвардейцев и скрыться среди деревьев. Кабан впервые в жизни стрелял в живых людей, а не в мишени,

но странно, он не почувствовал никаких угрызений совести, первую минуту даже не возникло ощущения убийства – просто нажал аккуратно на гашетку, и пулемет откликнулся послушной очередью. Когда темно-зеленые фигуры начали падать – кто, нелепо раскинув руки, кто, вжимаясь в землю в надежде укрыться от шквального перекрестного огня, – Кабан вдруг ощутил неприятный металлический привкус во рту, будто облизал пассатижи. Он сменил угол обстрела, перезарядился и снова начал тщательно обрабатывать свой участок: метр за метром, как и учили на стрельбах.

Позиции нацгвардейцев и погранцов стояли явно предпочтительнее, но быстрого боя не получилось – слишком много людей и техники противника находилось в колонне. Придя в себя после неожиданного нападения, сепаратисты попытались контратаковать; над головами зажужжал беспилотник, и тут же квадрат, где разгорелся бой, начали поливать из минометов.

– Они ж своих могут замочить, – удивился Кабан. – Почему они стреляют?

– По кочану. Их не волнует. В этой войне у них своих нет, тут для них все – чужие, – сказал истинный украинец Дима Анишкин.

– Карацупа, прием! Синус на связи! У вас там бэха есть? Помогите вытащить раненых, нашу бэху подбили! Мы к ним без брони подобраться не можем, сепары не дают! Пропадут пацаны!

– Кабан, ты куда? – Но Кабан, вслед за Лехой, уже заскочил на броню, за которой с обеих сторон пристроилось по четыре человека.

– Эй, броня, башней крути! – бэтээр энергично отстреливал «зеленку», и все, кто перемещался на нем и рядом с ним, также вели интенсивный огонь, перезаряжаясь по очереди:

– Прикрой, Димон, я перезаряжу, мы рядом уже! Все, готов, давай! Лупи, чтобы и головы поднять не могли! – обменивался Кабан с напарником репликами, и они наваливали по сепарам от души, но ответный огонь все равно не прекращался, и по броне периодически цокали пули. Грохот боя невозможно пересказать доподлинно. Поток звуков, хаотично издаваемых стрелковым оружием, работа автоматических гранатометов и подствольников, взрывы гранат, рев двигателей танков и другой техники, крики людей – живых и раненых, стоны умирающих – из этой какофонии каждый боец подсознательно выбирает для себя только самые важные, самые главные, имеющие значение только для него, звуки. Звуки, которые могут спасти или забрать его жизнь. Это может быть даже только один звук, имеющий решающее значение только в эту секунду, только один, самый главный.

– Димон, по-моему, в меня попали. – Возможно, Кабан услышал из-за неопытности необходимый для него звук слишком поздно, вместо привычного «цок-цок-цок» – «хлоп-хлоп-хлоп» по бронежилету.

Он засунул руку под «броник», ощупал живот – мокро; вытащил ладонь – это пот, крови нет, защита выдержала. Той же рукой рванул магазин на перезарядку – тот оказался разбит и прострелен:

– Вот сука! – Адреналин зашкаливал.

Прокричал в башню:

– А ну лупани туда!

– Не могу, братан, башню заклинило! – как всегда, в самый нужный момент.

– Да хоть чем-нибудь насыпь! – И из бэтэера неистово заработал пулемет.

Кабан, чтобы прикрыть спину, плотно притиснулся к открытой крышке люка. Возможно, это его и спасло от смерти в тот момент. Цок-цок-цок-цок-цок – плотная очередь. «Почему сзади, откуда сзади сепары? – мелькнула мысль. – Почему сепары и впереди, и сзади?» Обернулся посмотреть и тут же получил очередь из автомата, которая пришлась в бронежилет, между лопаток. Извернулся, пытаясь увидеть, угадать, откуда стреляют, ответить, и тут же почувствовал тупой удар в левый в бок, в незащищенное место.

– Димон, по мне попало!

Анишкин схватил Кабана за руку и резким движением ловко сбросил с брони. Удара о землю Кабан не почувствовал. Припланетился, оттолкнулся пару раз ногами – подальше от бэхи, под куст за холмик, и только там засунул руку под бронежилет и влез в липкую кровь. Осмотрел красную ладонь – боли не ощущал, ощущал только бой – полетели гранаты, застрочил пулемет нацгвардии, только почему-то в самих нацгвардейцев – сепаратисты уничтожили пулеметчика и гранатометчика, забросав гранатами, и теперь с их же позиций атаковали украинцев. Кабан остро ощущал свою потребность в действии. Он не думал ни о ране, ни о смерти, он имел только два остро выраженных желания: покурить и взять в руки пулемет. А лучше и то, и другое одновременно, но он не мог даже пошевелиться, чтобы достать индивидуальный пакет – левая сторона тела полностью онемела. Снова услышал взрывы гранат, после чего пулеметная точка заглохла. Сразу же подскочил Анишкин, еще кто-то:

– Куда?

– А я знаю? Где-то тут. – Кабан показал подбородком на левый бок.

Расстегнули «броник», рванули майку:

– Жить будешь! Кажется, навывлет прошла, – наложили бинты. – Держи крепко, крови много теряешь! – В плечо укололи дважды обезболивающее. – Только не засыпай, Кабан!

Кабан чувствовал себя странно. Лежал, левой рукой держал бинты, правой – сигарету, смотрел в небо и слушал бой. По звуку угадывал, что свои берут верх, что не хватило у сепаров времени для организации обороны и отхода и что на самом деле нацгвардии и пограницам сильно повезло, что сепарские бэтээр и бэха с украинским флагом свалили в самом начале. Вяжись они в бой, кто знает, как бы повернулось дело. «Нет, конечно, мы бы победили, но своих оставили бы тоже немало», – размышлял, крепко затягиваясь, Кабан. Небо выглядело по-утреннему свежим, с оранжевыми, пушистыми, хорошими, быстро бегущими облаками. По форме облака напоминали оленей из пейзажа на циферблате настенных домашних часов. Кабан просто лежал и курил и не чувствовал боли, и в этом был какой-то свой особый кайф. Он остро ощущал каждое дуновение ветра, каждая синяя травинка из того утра четко запечатлелась в его памяти – Серый с удивлением отметил, что на листьях деревьев много ржавой, под цвет земли и крови, пыли. Кровь быстро утекала из его большого тела, но крови Кабан имел много, так что за кровь он был спокоен, а больше переживал из-за своей обездвиженности. «Нерв, что ли, какой-то перебило? А если в позвоночник зашло?»

Рядом затарахтел бэтээр, из люка высунулся командир экипажа:

– «Трехсотые» есть? – Увидев Кабана, удивился. – Серый, епт, Кабан? Как же так? Вот суки! Серый, мы их там всех замочили! Эй, давайте его сюда!

Кто-то подскочил, потянул пограничника вверх, закричал и заматерился:

– Б... ну, тяжелый же, как кабан!

Кабана с трудом подняли и засунули в середину бэтээра, где уже лежал один пограничник – ему посекло плечо осколками, когда из-под обстрела вытаскивал раненых нацгвардейцев.

– Давайте, гоните в Амвросиевку. Мы сейчас на заставу передадим, чтобы врачей в больницу вызывали, – кричал изо всех сил водиле бэтээра Димон. – Знаешь, где больница?

«А что их вызывать, – подумал Кабан, – сейчас утро, все на работе».

Очнулся он уже в операционной. На него удивленно смотрел высокий худой врач.

– Ты не кашлять не можешь? – приятным голосом спросил доктор. – Я уже третий раз рану высушиваю, а ты кашлять начинаешь, и кровь, как из поросенка, хлюпает. Там у тебя дырка большая, и я на сухую смогу на внутренности посмотреть, не задело ли. Можешь не кашлять?

– Я попробую, – не своим голосом прохрипел Кабан. – Курить очень хочется.

– В операционной курить нельзя, сам понимаешь.

Доктор с медсестрой снова приступили к манипуляциям, а Кабан замер и затаил дыхание, но через минуту не смог удержать спазм, раскашлялся, и из раны фонтаном брызнула кровь.

– Нет, дорогой, так не пойдет. Во-первых, тебя сюда не одного привезли, всех лечить надо, а во-вторых, если будешь кашлять, рану мы тебе не зашьем. Можешь не кашлять? Не кашляй, я тебе говорю! – Доктор не нервничал, просто говорил настойчиво, так говорить умеют только хорошие врачи – одновременно настойчиво и ласково. Голос его звучал приятно, и Кабану очень хотелось послушаться и не кашлять, но он не мог удержаться – кашель сдавил грудь, разодрал гортань и вышел сиплым звуком через горло и чавканьем крови в боку.

– Кури! – чьи-то руки вставили в рот сигарету – прикосновение пальцев к губам было однозначно женским – и подкурили. Кабан затаился, в голове на мгновение закружилось, и боль, которая тянула всю левую сторону, пригlohла. Он открыл глаза и с удивлением понял, что по-прежнему лежит в операционной на столе – и курит. Сигарету подносила невысокая полненькая медсестра.

– Смотри, действительно не кашляет! Повезло тебе, в рубашке родился – внутри все целое, только мышцы хорошо так порвало на пузе, а оно у тебя не маленькое, ха-ха. Сейчас зашьем, не переживай, докуривай. Сестра, не сорите пеплом, пожалуйста, это же не крематорий. По крайней мере, пока я тут главврач, ха-ха.

В палате Кабан лежал с еще одним тяжелым из нацгвардии, тоже пулеметчиком. Осколок от гранаты застрял у парня в голове, и он уже вторые сутки не приходил в сознание, операцию здесь делать не рискнули. Рядом стояла койка Андрея Лепехи, того самого пограничника, с которым Кабана везли сюда в бэтээре. Утром 24-го приехали хлопцы с заставы: привезли сигарет, сухпак, показали Кабану пробитый насквозь его телефон (друг Белаш дал свою простенькую «Нокиа» попользоваться в больничке), рассказали о его разбитых напрочь магазинах от пулемета, а Кабан достал военный билет и с удивлением обнаружил, что даже его не пожалела вражеская пуля. На «бронике» товарищи насчитали шестнадцать отметин.

– Как ты живой остался, вот это непонятно! – сидели, курили прямо в палате и удивлялись. – Из сепарской колонны разгрохали двадцать единиц, а сколько всего их шло, точно неизвестно, может, тридцать, может, больше. «Двухсотых» сепаров – сорок два, у нацгвардии – двое, у нас, слава богу, никого нет; только ты – тяжелый, и Андрюху вот посеколо, – рассказывали хлопцы. – Все документы, телефоны, карты сепаров мы собрали в рюкзак и передали на заставу Вольинскому. Так что ты не зря пострадал, Кабан, большое дело сделали.

– Вы только моим домой, если вдруг дозвонятся, ничего не говорите, – попросил Кабан. – День-два пройдет, оклемаюсь слегка, а там сам придумаю, что рассказать.

Вечером приходило еще несколько человек с заставы. Принесли три футболки на смену, темно-синий спортивный костюм и резиновые тапочки, которые оказались немного маловаты. Но Кабану было не до прогулок – ощущал он себя мерзко, любое движение вызывало сильную боль. Алексей Иванович, главврач больницы, хирург, который Кабана оперировал, сняв маску, на вид показался молодым человеком лет тридцати пяти, с открытым лицом и приятной улыбкой, но, судя по морщинам на шее, был старше лет на десять. Первые дни он проявлял к Кабану большое внимание, заходил по несколько раз на день. Док говорил, что рана, хоть для жизни и не опасна, крайне неприятная и болезненная, плюс большая потеря крови, поэтому Кабан должен лежать и как можно меньше двигаться, ни о каких перемещениях не может быть и речи.

Под вечер приехала «скорая» эвакуировать раненых в тыл, в военный госпиталь. Точнее, приехал «газ-66», переоборудованный под «скорую», с одним лежачим местом, куда положили тяжелораненого нацгвардейца. Лепеха, раненный в плечо, устроился ехать сидя, а намерение двух санитаров усадить Кабана в инвалидное кресло закончилось полным провалом. Кабан не смог даже слегка согнуться, не то что сесть, и любая попытка сдвинуть его с места заканчивалась дикими воплями – ужасная боль раздирала все брюхо, и он периодически вырубался, а приходя в сознание, продолжал орать, как не в себя:

– Оставьте меня, пацаны, оставьте! Я со своими выйду!

После того как всех раненых вывезли и в палате остался один Кабан, с больницы сняли охрану. Кабан по этому поводу не тревожился – от кого тут его охранять, от медсестер? Весь следующий день 25-го числа он прождал гостей с заставы – пацаны обещали принести блок сигарет и сухпаек, потому как кормили в больнице плохо, точнее, то, что давали, едой назвать сложно: так, какая-то жижица на первое, ложка непонятной каши вместе с котлетой из хлеба на второе, особо не поспрадуешь. Но Кабан не ощущал голода, он ощущал боль, только сигареты доставляли ему удовольствие. «Сигарета-сигарета, ты одна не изменяешь! Я люблю тебя за это, ты сама об этом знаешь!» – мысленно напевал он дворовую песенку, когда уже очень захотелось курить. В обед забежали пару человек, но обещанных сигарет не принесли, оставили только пару штук, чтобы уши не повяли. Бойцы долго не засиделись, на все вопросы Кабана отвечали неопределенно, было видно, что очень спешат и сами ничего толком не знают: все збройники ушли, нацгвардия ушла, у заставы команды отходить нет, поэтому бойцы рассредоточились по периметру, заняв стратегически важные точки – вот и все, что они могли сказать. После капельницы Кабан заснул и проснулся только под вечер. Глянул на тумбочку, с трудом, через боль, пошарудил рукой по тумбочке и в верхнем ящике – блока сигарет нигде не обнаружил. Зато с удивлением обнаружил, что в палате снова не сам – две пары настороженных глаз внимательно наблюдали за ним.

– Привет, зема.

«Странно так здороваются, не по-нашему».

– Привет.

– Ты погранец?

– Ага, контрактник. С Харьковской заставы. – Люди Кабану сразу не понравились, и он решил рассказать о себе что-нибудь нейтральное и незатейливое. – Вот вчера зацепило, то ли минометный осколок, то ли стрелковым. Там бой шел на перекрестке, а мы на заставу отходили, как попало, ума не приложу...

– Да нас самих там накрыло. Мы в колонне шли, из России, должны были вашей заставе отход закрыть со стороны Кутейниково, окружить, а вместо этого сами в переплет попали.

– А вы откуда сами? – Кабан напрягся.

– Ну, Петруха из Ростовской области, а я из Донецка, зови меня Ильич. Позывной такой.

– Это в честь Ленина, что ли?

– Ну а в честь кого же! А у тебя какой позывной?

– У меня нет позывного. Мы же контрактники, у нас все по именам и фамилиям, Серегой меня зовут. – Кабан подумал, что, может, зря он свой «макаров» вчера пацанам отдал, может, пригодился бы сейчас?

– Ну, будем знакомы, зема. Я из ополчения «дэнээр», подался вот на старости лет в войнушку поиграть, да не повезло – ехал на «газоне» и прямо под жопу гранатометом дало, весь зад разорвало, теперь вот на животе только лежать могу, маюсь.

– А меня под подбитым укропским бэтэром достало, – отозвался Петруха. Ему, как и Ильичу, было под полтинник, не меньше. – Гранату поймал, все плечо порвало и спину осколками.

– Он из «Русской православной армии», идейный борец с фашизмом.

– Ага, – неуверенно отозвался Кабан.

– В больничку сюда ваши же нас и привезли, смилостивились.

– Фашисты есть фашисты, – не в тему вставил Петруха.

– Колонна у нас большая шла, – разговорился Ильич, – сорок единиц. Так укропы расфигачили больше половины, до пятидесяти «двухсотых» у нас, при нас считали. Думаю, нас специально свои же и подставили, слили, как пушечное мясо, чтобы обозначить, где укропы затаились. Видал, как по нам с той стороны минометами свои же шарахали?

Петруха тяжело вздохнул.

«Неплохо, неплохо мы поработали, – думал и радовался Кабан, еле сдерживая улыбку, – нужно только держаться, не выдавать себя на всякий случай, может, еще что-нибудь расскажут».

– А нас из-под Харькова сюда перекинули, на «Успенку», на пропускной пункт. Поток людей, говорят, увеличился, нужно усиление, не успевают паспорта проштамповывать. А тут такое... шальное в живот залетело.

– Людей правильно сделали, что предупредили и эвакуировали – сейчас большая операция начнется по освобождению Донбасса от оккупантов, мирных нужно побережь.

– Да, – добавил Петруха, – ты правильно мыслишь, Ильич. Война закончится, здесь будет Новороссия, люди вернуться, будут сеять хлеб, растить детей...

– У вас закурить нету?

– У нас ничего нету. У меня вот даже ползадницы нету, – пошутил Ильич.

«М-да, – подумал Кабан, – интересная история. Когда же мне сигарет принесут?»

Наговорившись, после уколов Ильич и Петруха заснули. Кабану еще больше захотелось курить, он достал из-под подушки телефон, чтобы позвонить на заставу и узнать, что происходит, но мобильная связь по-прежнему лежала, телефон молчал и только показывал время: 17.58.

– Можно? – в палату, приоткрыв дверь, заглянула медсестра.

«О, та самая, что на операции сигарету мне курила», – вспомнил Кабан. Невысокого росточка, полненькая, аккуратненькая, круглое личико со вздернутым носиком, русые волосы, светлые глаза. Симпатичная девчонка.

– Меня Нюсей зовут.

– Сережа, можно Серый. У тебя сигаретки не найдется? – спросил Кабан самое главное.

– Найдется, только здесь курить не нужно, сегодня я на дежурстве. Главный, если запах услышит, то и тебе выпишет, и мне – по самое не хочу. Серый, в Амвросиевку полчаса назад сепары зашли!

Кабан чуть не выскочил из койки, но резкая боль уложила обратно:

– Не может быть! А наши где?

– А ваши уже два часа, как уехали.

– Как уехали?

– На машинах, как же еще? Сепары осатанели совсем, Ашота арестовали, который на заставу продукты возил, пустую заставу гранатами закидали. Очень злые из-за вчерашней колонны, они вас рассчитывали окружить, вместо этого – вот... – показала на двоих спящих раненых сепаратистов.

– Нюся, что делать?!

– Я не знаю!

– Как же ты не знаешь. А кто знает? Мне же хана!

– Хана, если найдут. Я на дежурстве сегодня, на пропускном – Викуся, подруга моя. Спрячем тебя где-нибудь, не бойся.

– Да я и не боюсь, – сказал Кабан неправду. На самом деле он боялся, он очень боялся попасть в плен, потому что в плену ему не жить, а мучиться и умирать медленной страшной смертью. И ничего он сделать сейчас не мог, потому что лежал обессиленный и обездвиженный, разве что попросить Нюсю ввести в вену лошадиную дозу снотворного, чтобы издохнуть и не мучиться. Растерянно смотрел на очень давно выкрашенную в голубой цвет стену – краска поблекла, потрескалась и вздулась, от чего Кабану стало еще неуютнее и холоднее, хотя на улице с самого утра припекало до тридцати и в палате с полудня стоял, не шевелясь, раскаленный воздух.

Медсестра ушла, а он медленно, насколько позволяли силы, вытащил из-под койки сумку, достал оттуда синий, с двумя белыми полосками спортивный костюм и черную фут-

болку, переоделся в них, как в замедленной съемке, а форму и берцы сложил в сумку. Вечером Нюся зашла сделать уколы, забрала сумку и посоветовала выспаться. И правильно посоветовала.

Потому что рано утром, не было еще и шести, она тихим смерчем ворвалась в палату:

– У нас гости! Тебя ищут, они знают, что ты здесь!

Петруха и Ильич, похрапывая, сладко спали, уткнувшись лицами в подушки.

– Что мы будем делать? – Кабан проснулся мгновенно. Неизвестно, откуда у него взялись силы, но он приподнялся с койки и медленно-медленно пошел по стеночке к выходу.

– Веди меня в операционную, они туда не зайдут.

– Ты что, Серый, какая операционная? Наш главврач – главный сепаратист в Амвросиевке, он вчера тут целый вечер по площади с флагом «дэнээра» скакал!

– Так он же меня оперировал! Я же кричал еще, помнишь, пока наркоз не взял: «Как мы им дали, козлам!» – рассказывал, как я из пулемета сепаров валил.

– Ну, как врач и человек, он нормальный, но не на нашей стороне. Сам он доносить не пойдет, но если спросят, он правду скажет.

– Но мне тогда хана!

– Но и помогать тебя искать он не будет, не такой он человек. Так что не переживай, шансы есть.

Весь этот разговор состоялся, пока Кабан, поддерживаемый Нюсей, добирался до лифта, который опустил их вниз. Они вышли через черный ход на улицу, и, медленно переходя от кустов к стене, от стены к забору, от забора – к дереву, подошли к очень странному строению, точнее, не строению, а обычному железнодорожному вагону, наполовину вкопанному в землю.

– Это что?

– Давай быстрее. Морг.

– Морг?

Входной двери в вагон не оказалось, как и ступеней, – от земли положили доски, по которым они спустились в тамбур, и Кабану пришлось согнуться, от чего он нечеловечески застонал. Нюся достала ключ и открыла двери, из темноты дохнул неприятный затхлый запах.

– На, держи, – дала Кабану две маски на лицо, плеснула на них какой-то медицинской жидкости, чтобы не был так слышен трупный запах, быстро достала из купе проводников два одеяла и посветила перед собою фонариком. В проходе, в метре от дверей, один на одном лежало с десяток трупов.

– Хватай за края подстилки. – Все покойники имели под собой какие-то тряпки или одеяла.

Не чувствуя боли, Кабан схватил желтую то ли от ржавчины, то ли от крови простынь под трупом в камуфляже.

– Отодвигай, только аккуратно, – скомандовала Нюся.

– Ты же не хочешь сказать, что я...

– Да, мы сейчас их раздвинем, ты ляжешь вниз, а я привалю тебя сверху.

Трупы уже окоченели, поэтому двигать их оказалось легче, чем Кабан думал. На вид покойники в камуфляже отдавали желтизной, как будто их накачали парафином, и выглядели вздутыми, они были тяжелее остальных. Зато два старичка и старушка оказались легкими, как пушинки, маленькими, сморщенными, высохшими, словно мумии. Нюся старалась соорудить над Кабаном что-то типа хибары таким образом, чтобы покойники не соприкасались с пограничником, чтобы он мог переворачиваться со спины на правый бок и иметь возможность менять бинты на ране. Из этих стараний мало что получалось – покойники все равно наваливались на Кабана, и он, отбиваясь здоровой рукой и ногами от окоченевших конечностей, только и успевал, что отвечать на вопросы Нюси, удобно ему или не очень. Вся эта опе-

рация по возведению убежища из трупов заняла не более пяти минут. Устав, Кабан лежал на расстеленном на полу одеяле и то и дело уворачивался от желтой кисти руки с раздробленным синим ногтем на большом пальце, которая болталась перед лицом, и удивлялся, как такая с виду слабая женщина так ловко управляет с таким непростым делом.

– Я же украинская медсестра, я все могу! – улыбнулась Нюся.

Наконец, скрытый под телами, он устроился, если это можно так назвать, поудобнее, лег на правый бок, чтобы не беспокоить рану, и накрылся вторым, изрядно порванным, одеялом, примостив себе к глазам и носу две дырочки для воздуха и обзора. Не видно, правда, было ни черта – только черные берцы, босые бледные ноги и нижнюю часть двери.

– Долго мне тут лежать? – пробурчал он оттуда.

– Откуда ж я знаю. Я наведу, как только будет возможность.

– Ты только обо мне не забудь, а то смена закончится, уйдешь домой, а я тут. И когда будешь двери открывать, как-то отзывайся. Потому что я буду лежать, как труп.

– У тебя, Серый, если жить хочешь, другого и выхода нет, чем лежать, как труп. Я буду гимн Украины петь, хочешь?

– Лучше что-нибудь другое.

– Ну, ладно, «Океан Эльзы», «Все буде добре-е-е...». А если не сама приду – ну, мало ли, то Кобзона исполню, «День Победы», например.

Дверь морга закрылась, и Кабан остался в полумраке. «Что это так воняет? Забыл, как называется эта жидкость, формалин, кажется? Самое главное – это как-то отвлечься, не нагонять страхов непонятных, – размышлял он о своем незавидном положении. – И нужно как-то справиться с запахами, не обращать внимания, потому что если заикнуться, то долго не выдержать».

Морг по сравнению с больничной палатой обладал одним несравнимым преимуществом – здесь было безопасно. Последние сутки Кабан ни на минуту не мог расслабиться, спал нервно, эпизодами, от чего рана болела только больше, невзирая на димедрол с анальгином, а здесь отключился за пять минут. «Тишина, – вспомнил он цитату из какого-то фильма. – И только мертвые с косами стоят...» Разбудили его шум открывающейся двери и громкие властные мужские голоса. Он знал их природу. Такие голоса рождаются у людей, которые взяли в руки оружие и стреляют из него на поражение, именно оно придает их тембру властное звучание, которое не спутаешь ни с одним другим звучанием человеческого голоса. Человек с оружием звучит всегда по-особенному. Сквозь узкие просветы между босыми ногами и ногами в берцах Кабан видел четыре ноги в камуфляже и две – в синих докторских штанах. Все ноги стояли в проеме двери и обсуждали гору трупов.

– Кто здесь находится? Опись есть? – спросил человек с оружием.

– Да, есть опись. Вот, смотрите, – отвечал голос безоружный, наверняка санитар или врач в синих больничных штанах. – Семь комбатантов и трое гражданских лиц.

– Кого?

– Комбатантов, участников боевых действий. Вроде бы все ваши, погибли в одном месте, доставили 21-го утром. Обещали забрать, но никто не приехал.

– А из какого подразделения?

– Я не знаю, это вам нужно у главного врача спросить, Алексей Иванович наверняка в курсе.

– А гражданские?

– Эти свежие, буквально вчера-сегодня привезли. Старички местные, по болезням, по возрасту.

Кабан не знал, сколько трупов лежит вместе с ним, поэтому в голове у него мелькали разные варианты. Вариант первый: его тоже вписали в комбатанты, и если сепаратисты начнут считать ноги покойников в берцах, то их должно получиться в сумме четырнадцать. Хотя какие

берцы, он же в резиновых тапочках?! Значит, его ноги должны идти в учет вместе с ногами гражданских покойников, то есть таких ног должно получиться шесть, – это вариант второй. Но самый простой вариант – он не записан в жители данного учреждения вообще, ни в комбатанты, ни в местные старички, – и его ноги – будь они хоть в резиновых тапочках, хоть в берцах – не учтенные. А значит, если начнут считать, то сразу обнаружат, что одна пара ног – лишняя. «Да, еще никогда Штирлиц так не был близок к провалу!» – почему-то зашла в голову дурацкая цитата из анекдота, который ему никогда не нравился. «Главное – не шевелиться, главное – не шевелиться, главное – не шевелиться, – твердил он себе, и чувствовал, как пот и кровь текут по животу. – Это все возможное, что ты можешь сейчас для себя сделать... И не кашлять!»

– Ладно, закрывай свою богадельню. Пойдем к главному. Ну и запах тут! – сказал камуфляж.

– Понимаете, на холодильник у больницы денег нет, а кондиционер сломался. Частный предприниматель Рома, который нам его ставил, в ополчение ушел, а больше никто отремонтировать не может. Город у нас маленький, специалистов мало, сами понимаете...

Дверь закрылась, и Кабан тихо выдохнул. Все, что он хотел в этот момент – это перевернуться, почесаться и поменять бинты на ране. А потом закурить.

Страх он не ощущал. Кабан четко для себя решил, что в плен он ни при каких условиях не сдастся. Раз нашел в себе силы подняться и по стенке долезть до морга, значит, сможет оказать сопротивление, разозлить врагов, довести их до состояния ненависти, чтобы застрелили здесь, прямо в больнице. Он не мог себе представить, как он сидит в подвале и каждый день к нему приходят ублюдки и ломают железной трубой кости, простреливают колени, давят палками пальцы, звонят домой жене, дочке, матери – это самое сложное испытание, самое мучительное – и заставляют молить о пощаде. С такими мыслями Кабан отключился.

Разбудила его Нюся. Вошла тихо, позвала:

– Серый, Серый!

Кабан с трудом приподнял веки и улыбнулся, увидев сквозь сплетение синюшных конечностей живые смеющиеся женские глаза.

– Везучий ты, Серый. Ушли. Полбольницы перевернули, на медсестер и врачей наорали, а те и сами не поймут, куда ты делся: был вот пять минут назад, лежал на койке – и нет! Как сквозь землю провалился!

– Где-то оно так и есть, – пошутил Кабан.

– Тебе бы надо на процедуры сходить, нельзя лечение прерывать, не выздоровеешь сам скоро. Я тут недалеко местечко оборудовала, но нужно в больницу вернуться.

– А здесь никак?

– Здесь те, кому процедуры уже не помогут, Серый. Сейчас безопасно, я же говорю – ушли. Если что, мне с санпропускника позвонят.

– Скажи, а ты почему мне помогаешь?

– Я всем солдатам помогаю. Сюда много украинцев поступало, столько вас уже повидала, бедолаг. И кум у меня пограничник, в Амвросиевском отряде контрактник, ушел вчера на Мариуполь. Руслан Дейнека, ты должен знать.

– Мы с местными пограничниками редко пересекались. А ты за «дэнээр» или за Украину?

– За Украину, конечно.

– И много в больнице за Украину людей?

– Двое. Я и подруга моя Викуся, больше никого. Может, еще Женя-интерн, но он всегда за тех, за кого и Викуся.

С этого момента жизнь Кабана устаканилась: ночевал он в морге, на дальней нижней полке, подальше от входа, где окна уходили в землю практически полностью, а на рассвете заползал под гору трупов и пережидал мнимые и реальные облавы – сепаратисты не уставали

его искать дней семь-восемь. Ближе к обеду приходила Нюся, Викуся или влюбленный в нее интерн Женя. Они приносили скромный больничный харч и забирали на процедуры – сначала за ширму под лестницу, а потом и в прежнюю палату, откуда уже выписали Ильича и Петруху, но с завидной регулярностью поставляли новых раненых сепаратистов. В палате Кабан находился недолго, два-три часа в день на время капельниц, не хотел рисковать сам и подвергать опасности своих спасительниц. Тем более, что в морге он уже осмотрелся – правду говорят, что человек привыкает ко всему. «Это как чистилище перед Страшным судом, – думал Кабан. – Вот всякое место своего обитания мог себе представить, только не такое. Интересно, кому могло прийти в голову самый обычный плацкартный вагон переделать в морг? Хотя чего только не сделаешь, если, например, очень надо, то есть покойники имеются, а морга нет? А так дешево и сердито – списанный наверняка вагон, судя по состоянию облупленных стенок и ободранной обшивки на полках, закопали в землю, поставили кондиционер – и пожалуйста, идем, точнее едем, в ногу с прогрессом, очень современное заведение получилось, наверняка же главный врач расстарался...»

В первый день после капельницы он совсем обессилел, Викуся и Нюся отволокли его на себе вниз, где Кабан, кряхтя, ногами вперед раздвигая покойников, заполз в свою нору. До вечера он то проваливался в полузабытье, то, открывая глаза, смотрел сквозь покойников в окно, через мутное стекло которого в морг слабо пробивался свет. Ощущал Кабан себя очень плохо, возможно, даже хуже, чем в первый день, рана болела от постоянного движения, от неудобной позы, и, хотя он планировал на ночь вылезть поспать на полку, забылся прямо на полу, под трупами, где и обнаружил себя на рассвете, проснувшись от сильного холода. Пожалуй, только тогда Кабан полностью осознал безысходность своего положения, выполз из-под груды совсем недавно еще живых людей, огляделся – и понял, что теперь он будет какое-то время жить среди мертвецов. Кабан не был особо впечатлительным человеком, к смерти относился спокойно, как к должному для человека акту, но даже для него такая компания показалась немного невеселой. В голове постоянно крутились мысли о том, как выбраться, как связаться с родными, он разворачивал разные варианты – и тут же их сворачивал ввиду своей полной нетранспортабельности. Что бы он ни придумал, чтобы ни придумали, допустим, его родные или друзья, все равно все сводилось к тому, что сначала необходимо хотя бы немного стать на ноги.

К одиннадцати пришел Женя и забрал Кабана на процедуры. После ночного кризиса дышалось свободнее, и дорога через дворик далась ему чуть легче. В палате, куда его завел интерн, лежали новые раненые сепаратисты, но разговоров он старался избегать. «Скажешь, что местный, лежишь на дневном стационаре, если будут спрашивать. Сепары все равно не амвросиевские», – посоветовала Викуся.

А вот после капельницы его накрыло – захотелось поспать, полежать в удобной койке, на чистой постели. Никуда не хотелось уходить, Кабан ощутил приятную слабость, безволие, равнодушие к своей судьбе, но, подгоняемый интерном, он нашел в себе силы оторвать голову от подушки и заполз в морг буквально на четвереньках, кряхтя от боли в брюхе, обполз гору трупов и, презрев опасность, рухнул на ближайшую полку. Пахло на полке не так тошнотворно, как под трупами, по крайней мере, и можно прилечь удобнее, и не висит над мордой рука с отбитым синим ногтем. Очнулся Кабан от того, что на него кто-то смотрит. «Почему я не внизу? – острой болью в живот пронзила мысль, и холодный пот выступил на лбу. – Я пропал!»

– Серый, зря ты здесь лежишь. – Не открывая глаз, он узнал Нюсю раньше по запаху духов, чем по голосу. – А если бы не я пришла, а сепары? Они, кстати, снова тебя искали. Пока их командир с Алексеем Ивановичем беседовал, трое других все палаты прошманали. Ты вечером и ночью можешь на полочке спать, вот там, в том конце вагона, а утром и днем лучше тут, внизу. Понял?

– Сумка... – прохрипел сдавленно Кабан.

– Сумку твою с формой я Жене домой отдала. Оставили тебе только туалетные принадлежности – я подкупила немного на первые дни, и футболки свежие в пакете. В тумбочке лежат. Поднимайся, на процедуры пора.

– А что, уже утро?

– Одиннадцатый час.

– Ого, вот это я поспал. А число?

– 28 августа.

По утрам Кабан себя чувствовал значительно бодрее, чем днем или вечером. «Если бежать, то только утром, часиков в шесть-семь, пока еще есть силы, чтобы до обеда успеть». Но как бежать, каким образом? И куда бежать? Где линия фронта, хотя бы условная? Ни Викуся, ни Нюся этого не знали, да и пробираться раненому через территорию, занятую сепаратистами, – безумие, добровольная сдача в плен. Ближайшая безопасная территория – Россия, до границы – двадцать километров, но он еще в отряде наслушался этих историй об украинских военных, попавших в Российскую Федерацию, которых арестовывали и/или сажали в тюрьмы, или передавали обратно сепаратистам, так что нет, тоже не вариант.

На рассвете, перед тем, как залезть на свое место, присев рядышком на полку, Кабан минуты две рассматривал тех, кто укрывал его от смерти. В куче, так искусно созданной Нюсей, лежало семеро трупов в военной форме – камуфляжные штаны, майки, берцы, и трое гражданских – двое мужчин и одна женщина, очень пожилые люди, видно, время их уже пришло и умерли они своей смертью. На сепаратистах Кабан визуально не обнаружил никаких признаков огнестрельных или осколочных ран, но тела уже распухли, поэтому, возможно, отверстия просто стали не видны. Во всяком случае, умерли они точно не от эпидемии. Этим пяти покойникам было на вид лет по пятьдесят, не меньше. Кабану они все показались на одно лицо, как братья. Среднего роста, худощавые; с характерным предсмертным оскалом, черными зубами и глубокими ямами в деснах вместо зубов, металлическими фиксами, спутанными темными с проседью волосами (один, правда, практически лысый). Татуировки на предплечьях, руках, пальцах: купола церквей, якоря, точки, словом, известный набор. Шестой покойник – ненамного старше Кабана, лет под сорок, такой же крепкий крупный парень с черными волосами, развитой грудной клеткой, мускулистыми руками и мозолистыми кулаками. Он лежал, закинув голову, со спокойным выражением лица, словно спал, чуть приоткрыв веки, отчего создавалось жуткое впечатление, что он подсматривает, и Кабан нашел в себе силы подойти и перевернуть парня лицом вниз. Седьмым оказался совсем мальчишка, лет тринадцати-четырнадцати, не больше, и Кабан вначале даже не поверил, что подросток – боевик, пока не рассмотрел на предплечье синяк от приклада и натертости от ремня. «Как же так, – Кабан неожиданно ощутил прилив незнакомой жалости, – как же так? Ты же совсем пацан! Зачем тебе это надо было?!» То ли Кабан был под впечатлением, то ли это так подействовали лекарства, но ночью ему приснилось, что пятеро худощавых режутся за столом в первом купе в секу, накинув, как плащи, на плечи свои покрывала, и зовут его с собой:

– Давай, зема, присаживайся. В картишки перекинемся!

– Спасибо, мужики, что-то не очень хочется.

– Так мы ж не просто так зовем, мы на интерес.

– А какой интерес?

– Да очень простой интерес, интересный: если ты выигрываешь – живым остаешься, если мы – с нами уходишь. Потому что непорядок это, чтобы живой среди мертвых лежал. Не людски.

– Не слушай ты их. – К столику подсел шестой, крепкий мужчина с густыми черными волосами. – Они поговорят-поговорят – и успокоятся. Давай лучше покурим и выпьем.

– Здесь курить нельзя. – Кабан взял в руки бутылку водки, которую дал ему чернявый. – Меня Нюся предупреждала.

– Медсестра, которая тебя привела? Такая кругленькая, симпатичная? – чернявый подмигнул. – Она нас с Артемкой принимала, – кивнул он в сторону мальчишки. – Очень сильно плакала, хорошая девчонка.

– А как вас угораздило? – Кабан хлебнул с горла, передал бутылку чернявому и закурил. В голове сначала помутилось, а потом прояснилось. «Вот это кайф!» – подумал Кабан.

– Смеляков моя фамилия, Володя. Когда-то был боксером, чемпионом Донецкой области, полутяж, даже в сборную вызывался, мастер спорта. Может, слышал? Потом в бизнес ушел. Кабан пожал плечами.

– Я боксом мало интересуюсь, я «Формулу» смотрю.

– Мы из Иловайска. На рыбалку мы с Артемкой ехали в то утро на нашей «шестерке», а тут эти пятеро навстречу на джипе. Остановили нас, начали дорогу спрашивать, по карте сверяться, что-то по рации передавать. Я объяснил, в подробности не вдаваясь, как им правильно доехать, и только мы собрались в машину садиться, как мина прилетела, а за ней вторая и третья. Нас с Артемкой сразу накрыло, а потом и этих. А кто стрелял, откуда стреляли – неизвестно, да и какая теперь разница? Мертвые мы.

Кабан сделал большой глоток, набрался смелости и спросил:

– Слушай, Воха, а я у твоего Артемки на плече синяки видел...

– А, это, – улыбнулся Воха. – Так охотники мы. Я его с детства к оружию приучал, везде с собою брал. Он знаешь, как стрелял? Ты смотри, если вдруг эти будут залупаться, ко мне обращайся, не стесняйся, мы их быстро поприжмем.

– А почему вы все сейчас разговариваете, как живые, а сынишка твой – нет?

– Понимаешь, расстроился он очень, что так рано умер, переживал всю неделю. Устал, спит теперь.

– А почему вас не забирают?

– Эх, Серый, если б я знал! Вроде бы слышал я разговор, что война у нас там, в Иловайске, серьезная, не зайти – не выйти. Жена у меня там осталась, и дочка младшая, семь лет...

– У меня тоже дочка, только постарше.

– Серый, а ты ж – укроп? – отозвались опять картежники. – Укропище! Бандеровец! Ну, и где ты забыл свой пулемет, Кабан? Зачем пришел сюда убивать мирных людей?

– Я за то, чтобы людей не убивали и в мой дом не лезли.

– Ага, и поэтому ты тут в мирных граждан стреляешь?

– Я не стреляю...

– А нам все равно, лишь бы пенсии платили, – откуда-то из темного угла вагона отозвались два старичка и старушка. – Хотя, конечно, мы за Путина. Но теперь нам, конечно, все равно.

Кабан проснулся в холодном поту. Все десятеро покойников лежали на своих местах, смиренно в кучке, как и положено, но около двери слышалось подозрительное шевеление и звон ключей.

– Вот свидетельство о смерти. Я за Антониной Федоровной Полозковой, 1923 года рождения, – послышался мужской голос без оружия.

Кабан в панике, держась за бок, бросился в укрытие, юркнул между трупов с ловкостью воздушного гимнаста, прижался к полу и затих под одеялом. Впопыхах он не успел надеть маску, и резкий трупный запах буквально раздирал ноздри. Захотелось встать и выйти поблестать на улицу. Дверь открылась, и морг залило таким непривычным дневным светом, следом за которым приятно потянуло свежим утренним воздухом. Кабану изо всех сил захотелось чихнуть.

– Ну, вот, выбирайте, то есть, извините, смотрите, где ваша, – сказал уже знакомый по предыдущему визиту голос, и в проеме двери мелькнули синие больничные штаны.

– Что же они все у вас так в куче лежат? И запах... – Второй голос принадлежал серым, с блестящим отливом, безукоризненно отутюженным брюкам.

– На холодильник денег нет, а кондиционер поломался. Вы, случайно, не мастер, не можете исправить? – спросили синие больничные штаны.

– Нет, я судья, – ответили серые с отливом.

– Жаль.

– Я судья хозяйственного суда! – веско с вызовом уточнили серые наглаженные брюки с отливом.

– Я сочувствую, – парировали синие больничные.

– Что? Я не понял.

– Я глубоко сочувствую вашей утрате.

– Да, это моя мама. Вот она.

– Хорошо, давайте позовем похоронщиков.

По тамбуру загрохотали тяжелые ботинки, и в морг зашли четыре черные спортивные штанины.

– Вот этот... человек, пожилая женщина, мама, – не сразу нашел правильные слова судья. – Слева, под тем военным, она в темном платке. Как вы можете так хранить покойников? Это же святотатство! Почему вы не разложите их по полкам? Это просто возмутительно!

Кабану показалось, что синие штаны даже хмыкнули от удовольствия:

– И это вы мне говорите?

– Что?! – блестящие серые брюки затрепетали от возмущения.

Похоронщики, особо не церемонясь, отодвинули одного из пятерых вояк в сторону и начали доставать Антонину Федоровну. Кабан почувствовал, как на его больничное зеленое одеяло сначала упал пучок яркого света, а потом равнодушно, как по мебели, прошелся чей-то взгляд. В этот момент с головы Антонины Федоровны соскользнул черный платок.

– Аккуратнее, – зашипел судья. – Кладите на носилки и выносите. Только ради бога, аккуратнее!

Женщину наконец вынесли, и синие штаны закрыли дверь на ключ.

«Интересно, синие штаны знают обо мне? Наверняка же, не могут не знать», – подумал Кабан.

Хуже всего дело обстояло с куревом. Нюся строго-настрого запретила курить в морге: «Заметят сразу, и тогда и тебе, и мне конец. Тебя хоть расстреляют, а вот что мне сделают...» Подвести Нюсю Кабан никак не мог, поэтому боролся с желанием изо всех сил. Хуже всего накрывало с утра, когда кашель вплотную подступал к горлу и сжимал железной хваткой, душил грудную клетку, а рука сама тянулась к единственной пачке сигарет. Если бы в этот момент кто-нибудь зашел, Кабан не мог гарантировать, что выдержит и не закашляет. Первую сигарету он курил, когда его вели на процедуры через больничный двор. Тропинка хорошо просматривалась из больничных окон и даже, как утверждала Нюся, из кабинета главврача, но они шли окольными путями: под стеночками, за кустами, пережидали под раскидистым старым кленом и за старой хозяйственной, очень давно выбеленной постройкой, под крышей которой создатели выложили кирпичами дату: «1913». Здесь Кабан останавливался и, блаженно затаиваясь, отводил душу. Нюся и Женя не курили, зато Вика дымил, как паровоз, понимала его горе и всегда разрешала выкурить еще одну сигарету, которую он подкуривал от предыдущей. Та же история повторялась на обратном пути.

Вторая проблема, с которой Кабан столкнулся, – гигиена. Умывался, чистил зубы и ходил в туалет по-большому он теперь исключительно перед процедурами. На все про все ему выделяли десять минут, но человек, как уже правильно замечено несколько тысячелетий тому,

быстро привыкает ко всему, и Кабан служил этому тезису самым ярким подтверждением. Для остального исправно служила пластиковая бутылка, которую ему принесла Нюся в первый же день. Мочился Кабан нестерпимо трудно и неудобно – нужно вылезти из хибары, пристроиться в вагоне так, чтобы никто из случайно проходящих мимо не смог заметить в окно стоящего на коленях и писающего мертвеца, приспустить одной рукой спортивные штаны и той же рукой сделать так, чтобы все произошло точно и аккуратно. Вначале Кабан настрадался, поэтому предпочитал долго терпеть, но такой подход не давал нужного результата – поспешишь, как гласит народная мудрость, людей обоссашь. Но потом приноровился, можно сказать, натренировался и совершал действие с некоторым даже изяществом.

Иногда по вечерам, когда на улице темнело и заканчивались процедуры, к Кабану заходили в гости Нюся, Викуся или Женя. Оказалось, что Нюся замужем и в то же время и не замужем: три года назад муж уехал на заработки в Россию и пропал – то ли обзавелся новой семьей, то ли прирезали где – неизвестно, но признаков жизни он не подавал. Нюся осталась с четырехлетней дочкой, зарплату в больнице не платили с июня, собственно, как только боевые действия вплотную приблизились к городу и границе. Сводила концы с концами, как могла, брала дополнительные дежурства, словом, известная картина. Викуся была младше Нюси на три года, и жила совсем другой жизнью. Любила риск, резкие отношения с мужчинами, иногда – не с одним. Прическу носила озорную, для этих мест даже вызывающую – крашенная в разные цвета челка, выбритый затылок; в каждом ухе – по два кольца, смешная и смешливая, когда в настроении; смурная, неразговорчивая, если что-то идет не так или, допустим, не нравится погода. За ними двумя почти всегда ходил Женя – еще совсем мальчишка, интерн на практике. Худой, остроносый, очки не носил, хотя зрение имел слабое, бегал каждое утро на турник – горел ярко выраженным сексуальным желанием и любил всем своим мальчишеским сердцем Викусю – слушался ее беспрекословно, и за один поцелуй, не говоря уже о двух, мог продать не только Родину.

Пограничник на четвертый-пятый день стал чувствовать себя намного лучше, и они вместе пытались придумать, как и когда Кабану выбираться на свободу.

Дольше оставаться в больнице было рискованно. Скрывать долго пребывание Кабана в морге невозможно – он перемещался через больничный дворик, его каждый день видел медперсонал, он принимал процедуры, для него брали порции в столовой, он ходил коридорами больницы к своей палате и обратно. Рано или поздно кто-то бы выследил и позвонил сепаратистам, и тогда бы ни нейтральная позиция главврача, ни изобретательность Нюси не спасли б его от плена. Даже сейчас было чудом, что его никто до сих пор не нашел, хотя еще дважды приходили с проверками и обысками, спрашивали конкретно об украинском пограничнике, то есть знали, что он где-то здесь обретается, лечится, харчуеться, значит, ждали, искали, но, видимо, не до него пока – вокруг идет война. Нюся говорила, что Алексей Иванович, главврач, даже показывал сепарам его историю болезни, где последняя запись датирована 25 августа: «Да, – отвечал главврач, – я тоже слышал, что украинский пограничник где-то прячется. Но не уверен, что в именно моей больнице, лично я его не видел давно. Возможно, он укрывается где-то в городе, но мне об этом ничего не известно. Если я его увижу, то обязательно вам позвоню».

Что творилось в мире, Кабан знал только по рассказам медсестер и интерна – все очень плохо, но ничего толком неизвестно; и по обрывкам фраз, которые слышал в коридоре от больных и врачей: зашла российская армия, укропы в окружении, всех их убьют, здесь будет «дэнээр», Путин нас спасет. От таких новостей Кабан стал гораздо больше переживать за жену и дочь, чем за себя: что они будут делать, если россияне оккупируют родной город? Он попросил Нюсю позвонить жене по локальному телефону и сообщить, не вдаваясь в детали, где он находится и что с ним все в порядке. После 1 сентября периодически начала появляться мобильная связь, и он сам дважды говорил с женой и матерью по телефону. Жена совсем не сердилась и даже не обещала убить, если вернется, наоборот, обещала любить и беречь,

что Кабана, конечно, не могло не порадовать. Родные связались с главным управлением погранвойск, командованием воинской части, СБУ, Красным Крестом, но везде отвечали, что сейчас ситуация в районе Иловайска критическая и в ближайшее время ничем помочь не могут. Говорить без шумов и помех по мобильному телефону можно было только с четвертого этажа больницы, из-под самой крыши. Лифтом здесь пользовался только медперсонал, да и боялся Кабан маленького закрытого пространства – открываются двери, а там, как в кино, стоят сепары и улыбаются: «Где ты спрятал свой пулемет, Кабан?» – или можно столкнуться с кем-то нежелательным нос к носу, например с главврачом. Зачем человека ставить в неудобное положение?

Так что перемещался Кабан исключительно по лестнице, и каждый звонок домой ему давался в полчаса пути только наверх, не меньше, и в семь сошедших потов. На свой телефон звонить он, естественно, всем запрещал, это всем известно – несвоевременный звонок может стоить жизни.

Вечерами Кабан лихорадочно мысленно искал пути спасения, но верных вариантов по-прежнему не находил. Как-то, когда он возвращался с процедур, в коридоре его схватил за руку ушлый на морду мужичонка лет шестидесяти в застиранных больничных штанах и драной серой футболке:

– Слышь, погранец, не торопись так, а то успеешь, а. Дело есть, зайди давай сюда, – и потащил за собой в палату. – Сядь на койку.

Кабан осторожно присел.

– Слышь, погранец, ты домой хочешь? – зашептал ушломордый. Кабан, рассматривая желтое облезлое ухо собеседника, энергично кивнул. Разговор ему не нравился. – Так это, мой брательник, он это, тебя может вывезти. А то водят тебя тут девки, водят, а что толку? Придут наши, найдут тебя – кончат, как пить дать. Давай, боец, двадцать тысяч гривен – и ты дома. Давай, я завтра выписываюсь, сядем втроем на «девяточку» – и поедем. Я выведу, не сцы.

– Двадцать тысяч? Откуда такие деньги?

– Я знаю? Пусть дома подсобирают и передадут. Жизнь-то она подороже будет. Я тебя завтра за хозблоком в обед подожду, там, где ты куришь с медсестрой, усек? Только деньги тут, на месте, предоплата, гы-гы.

Кабан не стал с ходу отказываться – других вариантов он все равно не имел, решил позвонить жене, посоветоваться, как поступить. Да и резкий отказ мог породить нежелательные последствия. Правильнее потянуть время, обсосать детали, поискать слабые места, возможно, он узнает что-то важное для себя, для будущего побега. С другой стороны, идея выскочить отсюда так быстро и так безболезненно казалась настолько заманчивой, что, вернувшись вниз, Кабан уже готов был и согласиться, но он никак не мог себе представить одного – как говорить жене, чтобы она насобираала двадцать тысяч гривен. Не потому, что жена будет ругаться или не соберет этих денег – родители помогут, друзья, но сам факт опосредованного выкупа его очень смущал, чувство внутреннего протеста мешало ему переступить через этот барьер, и он решил оставить этот вариант на самый крайний случай. Когда на следующий день курили с ушлой мордой за хозблоком, аккуратно спросил:

– А как поедем?

– Через блокпосты поедем, ночью, напрямую в Харьков. Так быстрее.

– Не получится.

– Я выведу, не сцы!

– У меня паспорта нет, – соврал Кабан, который имел привычку паспорт и права всегда носить с собой. – Без паспорта меня сам черт через блокпосты не провезет.

– Тогда дай тридцатку, я денег людям дам – выедем!

– Нет столько денег у меня. Жена не соберет так быстро, нужно дней пять хотя бы, ты попозже подойди.

На том и порешили.

Кабан остался доволен таким окончанием разговора – он не отрезал все веревочки, мог в любой момент обратиться за помощью и в тоже время сохранял себя для ушломордого как потенциального денежного клиента, чем гарантировал некоторую безопасность. Последнее обстоятельство, очевидно, не стало тайной в больнице, и после первого сентября к нему в коридоре обратилась молодая дородная женщина с оценивающим взглядом, из тех, на которых держится если не мир, то жизнь в маленьких городках и больших семьях точно:

– Солдатик, а зайди сюда.

– Зачем?

– Спасать тебя будем.

Кабан зашел в женскую палату, и на него тут же воззрилось несколько пар любопытных глаз. Не понижая голоса, спасительница заговорщицки произнесла:

– Семнадцать!

– Что, не понял?

– Тысяч. Семнадцать тысяч, и мой муж довезет тебя до границы с Белгородской областью!

– А как?

– Через Россию.

– Спасибо, я поговорю с женой, может, и соберем столько...

Из этих разговоров Кабан сделал для себя один неутешительный вывод – его пребывание в больнице стало общеизвестным фактом. Единственное, о чем местные наверняка не догадывались – это место, где он прячется. Но рано или поздно, как показал случай с ушломордым, все равно кто-то вычислит, откуда он приходит и куда возвращается, имелось бы желание. Кабан не верил в добрые намерения людей, но он верил в их инертность и равнодушие к окружающему миру и в неумное желание легких денег. Характер и поведение, по его наблюдениям, большинства местного населения определялись, прежде всего, этими факторами, а уж потом отношением к украинским военным, Украине, «дэнээр», России и всему остальному. Хотя Россия все же в умах большинства занимала превалирующие позиции – Россия светила мечтой, как некое Эльдorado, которое принесет счастье после совершения минимальных усилий, а может быть, даже и без таковых. Эти люди смотрели на него не как на врага, не как на защитника, не как на больного или раненого. Они смотрели на него как на совершенно чужого – из другого мира – человека, который оказался здесь случайно, оказался в беде, и на этой беде, раз уж чужак здесь, не зазорно заработать – с него не убудет, а семье польза. В больнице кормили очень плохо, Кабан не доедал и сильно похудел, но сколько бы раз он не проходил по коридору мимо холодильников или людей, несущих домашнюю еду, которая так вкусно пахла, ни разу ни один человек не предложил ему даже худого бутерброда или печенья. Кабан ни на кого не обижался и не ждал помощи. Все, что он хотел от этих людей – молчания, за которое он платил надеждой на быстрый и легкий заработок. Сохранять такой хрупкий баланс долго невозможно, это Кабан также хорошо осознавал. Через несколько дней они поймут, что он просто тянет кота за хвост, тянет время, и тогда ловушка захлопнется – он станет никому не интересен, более того, на него будут злы, как на сундук, который оказался пустым.

Уже который день, лежа под трупами, он закрывал глаза и впадал в полузабытье: вспоминал дочку, жену, родителей, друзей, он идеализировал картины возвращения и будущей жизни, мечтал о том, как все вместе соберутся за одним столом и хорошо погуляют. Кабан раздумывал над тем, что надо бы родить сына, жена давно хотела второго ребенка, а он не соглашался, зато теперь он двумя руками, двумя ногами, ну и всем остальным, что шевелится у мужчины, только «за». Через дырочку в одеяле, пропахшем медицинским раствором и мертвечиной, с запахом которой он так и не свыкся, Кабан видел лицо убитого мальчишки, если верить сну – Артемки. Мальчик лежал около отца Вохи (Кабан не знал, как относиться ко сну, но для себя называл всех так, как услышал ночью), закинув руки над головой, будто действительно спал. Его дет-

ская кожа местами потрескалась и посинела, лицо распухло, но от этого стало еще невиннее и беззащитнее. Кабан попытался представить, какого цвета у Артемки глаза, как он говорит, как смеется, как играет в футбол, как ходит с отцом на рыбалку и охоту... Здесь воображение Кабана запротестовало, он не хотел представлять ребенка с оружием в руках. Нет, он не стал пацифистом, и его желание воевать и уничтожить врагов никуда не пропало, невзирая на все неприятности, которые обрушились, однако что-то новое возникло в душе, и он очень хорошо это ощущал и осознавал.

Сергея Петровича и Александра Павловича, обоих старичков, забрали с утра на четвертый день. Привычно зазвенели ключи, загрохотали в тамбуре ботинки работников похоронки, зацокали каблучки, открылась дверь, и в вагон вошли синие больничные штаны и длинное темное платье, под которым угадывались молодые стройные крепкие ноги.

– Я за дедушкой, – сказали ноги.

– Как фамилия? – попытались спросить сухо, но не смогли, синие больничные.

– Демидов Сергей Петрович.

– Год рождения?

– Тысяча девятьсот двадцатый.

– Пожил ваш дедушка!

– Да, три войны прошел.

– Три?

– Ну, да, три: финскую, Отечественную и японскую.

– Девятьсот пятого? – попытались пошутить синие больничные.

– Давайте к делу, – темное платье и длинные молодые ноги не оценили шутки. –

Мы с главврачом по телефону договаривались, что привести дедушку в порядок можно прямо тут. Я только приехала, всего на один день, тут заниматься похоронами особо некому, так что мы быстро домой, попрощаться, а потом сразу на кладбище.

«Только не это, – подумал Кабан, – ни кашлянуть, ни... Где они будут это делать?»

– Ну, не знаю, насколько будет удобно, здесь запах не очень, сами чувствуете – кондиционер не работает, исправить некому, а на холодильник у больницы денег нет... – как-то неуверенно сказали синие штаны. «Волнуются. Что-то не похоже на них», – отметил Кабан.

– У меня тоже нет. – Темное платье не было настроено на долгие разговоры.

– Чего нет?

– У меня тоже – на ремонт кондиционера и новый холодильник для вашего вагономорга – денег нет, – уточнило, раздражаясь, темное платье.

– Но благотворительный взнос...

«А, вот почему синие брюки заикаются – денег хотят», – смекнул Кабан.

– Сколько?

– Да ради бога, это же благотворительный взнос, кто сколько даст. Обычно дают триста.

– Гривен? – уточнило платье.

– Ну, пока не рублей, – уточнили синие больничные.

Платье щелкнуло сумочкой и отдало деньги, синие больничные заискивающе всхлипли:

– Вот на той полочке располагайте дедушку, пожалуйста. Заходите ребята, тяните его аккуратно туда, переступайте наших несчастных, да, столик можно поднять, если нужно.

– Сколько это времени займет? – Темное платье расслабилось, но не подобрело.

– Минут тридцать, не больше, – ответили черные штаны из похоронного.

– Хорошо, я на улице подожду. Тут кафе рядом есть? Мне бы выпить чего-нибудь, желательно, покрепче. Запах здесь у вас...

– А пойдете ко мне, у меня коньячок, – предложили, повливая штанинами, синие больничные. – В холодильнике.

– А пойдёте! – Молодые загорелые ноги резко развернулись к выходу, и Кабан увидел упругие блестящие голени. – День впереди тяжёлый.

– И жаркий, – поддакнули синие больничные.

Кабану показалось, что он даже расслышал, как у санитаря от предвкушения коньячного удовольствия зашевелились пальцы на ногах.

– Слышь, Грек, а ты чо девке про полчаса прогнал? Тут же работы – на семь минут. Дед нормальный вполне, раз-два подправить – и дело с концом.

– Ага, братан, по полштуки она нам за семь минут, думаешь, отвалит? А за полчаса – отвалит. Время при контакте с женщиной – фактор решающий, скорострелов никто не любит! Так что доставай причиндалы, давай деда красить.

Мужики засуетились вокруг Сергея Петровича, достали инструменты и принялись за работу. Кабан лежал тихо, старался реже дышать и думать о чем-то своем. Вдруг он услышал характерный шелест целофанки от сигаретной пачки и щелчок зажигалки, в морге запахло крепкими дешевыми сигаретами. Кабан судорожно икнул, стараясь не шевелиться и не шуметь, и еле сдержал стон – курить захотелось невероятно.

– Эй, ты что-то слышал? – Похоронщик оторвался от лица старика.

– Что слышал? – Второй сосредоточенно откупоривал чекушку.

– Ну, вроде как икнул кто-то.

– Я не икал, – «шпок» – откупорилась чекушка.

– То есть это не ты икал?

– Да нет, то есть да – это не я икал. То есть, нет. Короче, это бутылка икнула, гы-га-га!

– Тише ты! Не пались. Спрячь чекушку, я еще не закончил дедушку украшать.

– Да ладно тебе, давай уже.

Кабан услышал, как мужики отхлебывают из бутылки – полку, где лежал Сергей Петрович, он не видел и, что там происходило, мог реконструировать только по звукам. «Как слепой индеец ночью в прериях», – подумал Кабан, когда-то в детстве он любил читать Фенимора Купера.

– Слушай, а чо этих не забирают, из «дэнээра»?

– Так некому. Они вроде бы и не наши, но в тоже время вроде бы и наши, а забрать некому.

– Это как?

– Ну, не местные они, россияне, с Урала откуда-то, типа разведка «Новороссии». Неудачно зашли.

– Все семеро?

– Не. Вот этот, который помоложе, я слышал, наш, местный, иловайский, а мальчонка – сын его. Попали под минометы, их всех вместе и накрыло.

– Бля, укропы – фашисты! Детей не жалеют!

– Да разве ж они кого пожалеют? Всем кишки вынут! Видал, что по ящику Россия показывает?

Кабан затаился изо всех сил, понимая, что одно неосторожное движение, один вздох сейчас его выдаст, и все усилия последних дней и ночей, вся его пруха закончится – сдадут с потрохами. Он набрал полный рот слюны, чтобы прогнать вкус курева, и попытался сосредоточиться на лице дочери: длинные темно-русые волосы, которые она так красиво расчесывает перед зеркалом, карие глаза, но вдруг неожиданно переключился на свой отряд: а как там пацаны? Он вдруг осознал, что за все это время лишь пару раз вопрос о судьбе товарищей отчетливо звучал в его голове. От жены он знал, что отряд вышел в Мариуполь – и вроде бы без потерь, но что и как, подробно не расспрашивал. Теперь Кабан понял причину – он гнал от себя этот проклятый вопрос: как они могли его оставить? Нет, как военный человек он понимал, что свобода и жизнь сорока четырех человек, целого отряда – о трех пленных погра-

ничниках, которых взяли в Амвросиевке после отхода отряда, ему рассказала Нюся – важнее, чем жизнь и свобода одного, а значит, командир поступил правильно. Но почему его не предупредили? Не дали шанса уйти? Не дали вообще никаких иных шансов, чем попасть ему, пулеметчику, в плен? Можно ведь было позвонить по обычному телефону в больницу, если не успевали приехать... Кабан не находил ответа на эти вопросы, но для себя решил на пацанов зла не держать, выберется – спросит, как обстояло дело. Он не верил в злой умысел, слишком много хороших товарищей у него осталось в отряде.

По тамбуру зацокали каблучки, и Кабан снова увидел знакомые ноги и край темного платья. Похоже, ногам и платью понравилось в гостях у синих больничных штанов, потому как каблучки цокали бодро и звонко.

– Ну, что, ребятки, управились?

– Готов ваш дедушка.

– Выносите, машина ждет.

– Так а...

– ...денежка? Денежка, ребятки, по доставке, никакого самовывоза.

– Да вы посмотрите, какой дед красавец стал, мы ж старались!

– Все получите. Но по факту, как договаривались.

Похоронщики выкинули сигареты, поплевались, угрюмо взялись за края одеяла и поволокли Сергея Петровича к выходу. Когда они вышли, у Кабана возникло огромное желание выползти наружу, найти и докурить бычки, которые они побросали на пол вагона. Пожалуй, его остановило только чувство самосохранения – в половинках мутных окон то и дело мелькали чьи-то ноги, да и последний старичок, судя по всему, сегодня же ждал депортации.

Примерно через час синие больничные штаны привели ярко-синие, с белоснежными потертостями, слегка расклеванные, по моде семидесятых, джинсы, которые принадлежали, насколько Кабан мог определить по голосу, человеку лет пятидесяти пяти-шестидесяти.

– Я за отцом. Селиванов Александр Павлович, тысяча девятьсот тридцатого года рождения.

– Да-да, я в курсе, Андрей Александрович.

– Спасибо, что позвонили. Еле добрался из Сибири. Через Москву летел, потом поездом, а тут война... Черт знает что.

– Это главврачу спасибо, он ваших родственников в Николаеве нашел...

– Да, младший брат... Он документами сейчас занимается, тоже здесь.

– На сколько похороны?

– На двенадцать, так что надо поспешить. А кто это в камуфляже? Военные?

– Трудно сказать определенно, Андрей Александрович. У нас теперь так: сегодня военный – завтра гражданский, а послезавтра – снова с автоматом бегают.

– Что те душманы.

– Ну, можно и так сказать.

Кабан лежал и удивлялся – первый раз при нем синие больничные штаны нормально разговаривают с человеком, ничего от него не хотят, не ерничают и не выклянчивают деньги. Наверное, какой-то особо уважаемый человек этот Андрей Александрович, хотя и не проживает здесь давно уже, видимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.